

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

PHENOMENOLOGY OF SOVIET SOCIETY

DOI: 10.31249/rsm/2021.03.11

А.В. Репников, Л.В. Ланник

ИСТОРИК М.Н. ПОКРОВСКИЙ О МИРНЫХ ПЕРЕГОВОРАХ В БРЕСТ-ЛИТОВСКЕ

Аннотация. Брестскому миру посвящена обширная историография, однако до сих пор опубликованы далеко не все источники, в том числе ценные мемуарные свидетельства участников мирной конференции. Данная публикация содержит дневниковые записи историка М.Н. Покровского периода его участия в мирных переговорах в Брест-Литовске, сохранившиеся в его личном фонде в РГАСПИ. Известный историк и член большевистской партии в декабре 1917 г. неожиданно был включен в состав советской делегации. У Советского правительства не было четкого плана и концепции переговоров. Основные деятели делегации из числа профессиональных революционеров порой были не знакомы с элементарными правилами международной дипломатии. Покровский их в этом существенно превосходил, а потому не раз спорил с Л.Д. Троцким и А.А. Иоффе, а затем стремился отметить свои эмоции и вклад в исторические события. Наблюдения Покровского не сводятся к фиксации событий или к насмешкам в адрес коллег, они содержат элементы анализа и прогностики, дают портретные зарисовки ряда деятелей, принимавших участие в мирных переговорах. Его ирония, однако, не распространялась на сферу государственных интересов России, которые он намеревался отстаивать, несмотря на революционные убеждения. Впрочем, его усилия не были оценены по достоинству ни соратниками по партии, ни коллегами, особенно теми, кто критически относился к большевикам, а Покровского считал причастным к «брестскому позору». Крайне тяжелые условия мира Покровский не принял, а позднее примкнул к левым коммунистам, отрицавшим необходимость подписания договора. Лишь впоследствии историк признал правоту ленинской позиции, подчеркнув, что суть Бреста была не столько в мире с Германией, сколько в разрыве с Антантой. Его несогласие с Лениным стоило его дневникам длительного забвения.

Ключевые слова: международные отношения; мирная конференция в Брест-Литовске; Брестский мир; дневники; М.Н. Покровский; Л.Д. Троцкий.

Репников Александр Витальевич – доктор исторических наук, доцент, начальник Центра документальных публикаций Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). Россия, Москва.
E-mail: Repnikov@mail.ru

Ланник Леонтий Владимирович – кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.
Россия, Москва.
E-mail: leo-lannik@yandex.ru

Repnikov A.V., Lannik L.V. Historian M.N. Pokrovsky about the peace conference in Brest-Litovsk

***Abstract.** An extensive historiography is devoted to the Brest peace, but some sources have still not been published, including valuable memoirs of dozens of peace conference participants. This publication contains the historian M.N. Pokrovsky diaries from the period of his work during the peace negotiations in Brest-Litovsk, preserved in his fund in the RGASPI. The famous historian and the Bolshevik Party member was unexpectedly included in the Soviet delegation in December 1917. The Soviet government did not have a definite plan and concept for these negotiations. The main figures of the delegation were the professional revolutionaries. Sometimes they were not familiar with the basic rules and international diplomacy ethics. Pokrovsky had a clear advantage over them, and therefore rather often had to argue with L.D. Trotsky and A.A. Ioffe. Then he had sought to record his emotions and contribution to historical events. Pokrovsky's observations were not reduced to record events or ridicule on colleagues, contain elements of analysis and prognostication, and give portrait sketches of many figures from all countries that took part in the peace negotiations. His irony, however, did not extend to the sphere of state interests of Russia, which he intended to defend, despite his revolutionary beliefs. However, his efforts were not appreciated by either his party colleagues or colleagues, especially those who were critical of the Bolsheviks, and considered Pokrovsky to be involved in the «Brest disgrace». Pokrovsky did not accept the extremely hard terms of peace and later joined the left-wing communists against signing the Brest treaty. However, later, the historian recognized the correctness of Lenin's position, emphasizing that the essence of Brest was not so much in peace with Germany as in a break with the Entente. His disagreement with Lenin had caused a long period of oblivion of his diaries.*

Keywords: international relations; the Peace conference in Brest-Litovsk; Treaty of Brest-Litovsk; diaries; M.N. Pokrovsky.

Repnikov Aleksandr Vitalievich – Doctor of Historical Sciences,
associate professor, Head of the Department Centre of Documental
Publications of Russian State Archives of Social and Political
History (RGASPI). Russia, Moscow.
E-mail: Repnikov@mail.ru
Scopus Author ID: 38261476800

Lannik Leontiy Vladimirovich – Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor, Senior Researcher, Institute of World History
of the Russian Academy of Sciences (IWH RAS). Russia, Moscow.
E-mail: leo-lannik@yandex.ru
Scopus Author ID: 57211606261

В истории международных отношений было не так много периодов, когда дипломатию доверяли исключительно дипломатам, а решения о завершении или о начале военных действий – лишь военным. В эпоху тотальных войн и особенно в разгар порожденных ими революций прежние представления о пределах возможного и допустимого оказались подорваны в том числе и в довольно консервативной сфере официальных межгосударственных отношений. Хорошо известно, что с 1914 г. все чаще войной занимались политики и дипломаты, а дипломатией – военные, политики и финансисты. В последующей публицистике и историографии к этой проблематике не раз возвращались, благодаря поискам виновных или инициаторов трагических событий и роковых решений. Постепенно классические бинарные оппозиции – о «голубях»-дипломатах и «ястребах»-военных – сформировались и применительно к истории Великой войны и ее многочисленных последствий. Удобное противопоставление не только ведет к тенденциозности в подборке фактов, но и оставляет за рамками анализа тех акторов, кого к обеим категориям отнести невозможно. В первую очередь это касается политиков, в том числе тех, кто значительную часть своей деятельности провел вне органов власти, а на государственной службе оказался лишь на сравнительно короткий, пусть и ярчайший период своей биографии, как, например, Л.Д. Троцкий.

Однако в революционном вихре на важнейших государственных, военных и дипломатических постах оказывались и те, кого и к политикам можно отнести лишь с известными оговорками, в том числе деятели науки и искусства. На новом, увлекательном, хотя и не всегда желанном для себя поприще, они не могли и не стремились обрести манеры и этику своих коллег из числа кадровых специалистов, а оставались – в любой ситуации – в первую очередь представителями той среды, которая сформировала их и оставалась определяющей для их взглядов и кругозора. Тем интереснее оказывается анализ вклада в исторические процессы и события именно таких, едва ли не случайных действующих лиц, оказывавших тем не менее весьма существенное влияние на происходившее. Впоследствии на фоне более крупных фигур из военной, политической или дипломатической среды они были зачастую забыты или намеренно вычеркнуты из полотна официальной версии, однако к этому едва ли найдутся чисто научные основания. Яркие примеры такого непрофессионального участия в крупнейших исторических событиях особенно часты в ранней истории Советской России, а одним из наиболее интересных из них является деятельность историка и революционера Михаила Николаевича Покровского (1868–1932) в составе мирной делегации в Брест-Литовске зимой 1917–1918 гг.

М.Н. Покровский обладал многими достоинствами, которые были отмечены его революционными соратниками. Он отличался умением хорошо вес-

ти полемику, за что был назван «профессором с пикой», и славился непримиримостью к отступлениям от революционного марксизма [Чернобаев 1992]. Вместе с тем, как отметил А.В. Луначарский, Покровскому был «присущ ценнейший нравственный дар – это честность, честность наблюдателя, честность мыслителя и при этом честность самого высокого порядка» [Чернобаев 1992, с. 3]. Сделанные Покровским наблюдения и выводы не всегда были лицеприятными, в том числе относительно его товарищей по партии. Это нашло отражение и в оценке им действий российской делегации на мирных переговорах в Брест-Литовске.

Вечером 3 (16) декабря 1917 г. М.Н. Покровский, который проводил заседание президиума Моссовета, получил две телеграммы от главы НКИДа Л.Д. Троцкого, переданные по радио и по телеграфу, с просьбой выехать в Брест-Литовск, поскольку «ваше присутствие совершенно необходимо» (здесь и далее см. ниже текст дневника М.Н. Покровского). Это стало для него полной неожиданностью. Покровский отбыл из Москвы в Петроград, надеясь получить более подробные инструкции, но Троцкий его ожиданий в этом отношении не оправдал. Личная беседа показала, что «никакого плана у Троцкого не было». 4 (17) декабря 1917 г. В.И. Ленин подписал Покровскому удостоверение о назначении его членом советской мирной делегации в Брест-Литовск и в этот же день побеседовал с Покровским в связи с его предстоящим отъездом, сообщив ему инструкции СНК для советской делегации на мирной конференции [Владимир Ильич Ленин 1974, с. 108]. С одной стороны, Покровский был состоявшимся историком, специалистом по международным отношениям, но с другой – в ходе беседы с ним, как записал Покровский, Ленин высказывал сожаление, «что поеду я, человек мягкий», поскольку «надо бы послать какого-нибудь нахала, который отбрил бы немцев» и добился разрыва переговоров в 24 часа. Покровский верно отметил, что фундамент надежд Смольного, «заложенный фальшиво», «заклучался в уверенности, что немцам мир с Россией необходим до разреза. Этим объясняется, например, “легкое” отношение к эксперименту с разрывом переговоров: возобновить их, по мнению Ленина и Троцкого, очевидно (это не их слова, а мое заключение), ничего не стоило – только пальчиком помани немцев, они сейчас же опять прибегут».

Ни о каком единодушии среди членов советской делегации не было и речи. В ходе работы Покровскому приходилось спорить с Л.Д. Троцким и с А.А. Иоффе, которого Покровский характеризовал в записях, как «бесцветного». Для Иоффе же, судя по записям, историк был «неприятный человек». Наблюдения Покровского вообще достаточно саркастичны, но не в силу какой-то особой желчности его характера, а скорее в силу острой и нелицеприятной наблюдательности, например в отношении дипломатических способностей бывшей террористки А.А. Биценко, в ходе дискуссий «по

обыкновенно, ничего не понявшей». При этом искренние симпатии в ходе переговоров Покровский испытывал к К.Б. Радеку и своему старому знакомому генерал-майору А.А. Самойло, который впоследствии воздал историку должное: «Я глубоко обязан за то, что он помог мне ориентироваться в ходе переговоров, без чего я, вероятно впал бы в крупные ошибки» [Самойло 1963, с. 214]. В своих воспоминаниях Самойло описывал визит от имени советской делегации к Леопольду Баварскому вместе с Покровским. Перед поездкой Самойло снял с себя знаки различия, которые были упразднены советской властью. Когда визитерам была подана «шикарная карета с гербами», в нее сели Покровский и Самойло «в своем общипанном виде, очевидно, все же довольно жалком, потому что Покровский полусуточка сказал:

– Не горюйте, Александр Александрович, сейчас это необходимо. Поверьте мне, придет время, и мы вернем вам и чины, и ордена!» [Самойло 1963, с. 216].

Из отдельных эпизодов видно, что ирония, хорошо заметная в тексте дневника Покровского, пропадала, если дело касалось интересов России. Не случайно известный своими мемуарами о Брестской конференции Д.Г. Фокке отмечал, что Покровский, по его мнению, больше других членов советской делегации заботился об интересах России. 13 (26) декабря Иоффе и Покровский дискутировали с Кюльманом по вопросу восстановления товарообмена между Россией и Германией. Покровский отметил, что «полная свобода торговли явилась бы помехой к планомерной разработке русского народного хозяйства в общегосударственном масштабе, благодаря слишком большому наплыву товаров из-за границы, из Германии. Принцип “взаимного благоприятствования” предполагает, что на рынке представлена не одна только заинтересованная сторона, но все нации. Если нет выбора, значит, некому пользоваться преимуществами» [Мирные переговоры 1920, с. 19]. Состоялась масса других выступлений в ходе переговоров о границах, по политическим, экономическим и прочим вопросам. Утром 14 (27) декабря 1917 г. на совещании, где присутствовали А.А. Иоффе, Л.Б. Каменев и М.Н. Покровский, с одной стороны, и Кюльман, Чернин и Гофман – с другой, историк проявил себя неожиданно эмоционально. Макс Гофман писал, что во время совещания «со слезами ярости Покровский объявил, что нельзя же говорить о мире без аннексий, когда у России отнимают чуть ли не 18 губерний» [Гофман 2015, с. 196]. Этот же эпизод приводит Д.Г. Фокке, вынесший слова «Покровский плачет» в подзаголовок главы своих воспоминаний [Фокке 2017, с. 237–238]. Можно говорить о том, что эмоциональная реакция историка действительно имела место, причем это не было ораторским приемом или игрой на публику.

Покровский стремился придать переговорному процессу более упорядоченный и оформленный характер. Недавние революционеры-подпольщики и

политические эмигранты, представлявшие на переговорах Советскую Россию, не обладали элементарными навыками делопроизводства и дипломатии. В частности, Покровский обратил внимание на то, что у членов советской делегации не было письменных полномочий заключить мирный договор от имени Советского государства, а те бумаги, которые члены советской делегации получили в канцелярии Смольного, удостоверяли только их личности. Получалось, что делегаты и те, кто их направил, или не знают азов дипломатии, или вовсе не собираются заключать мир. После этого замечания в Петрограде были срочно оформлены и переданы в Брест-Литовск документы, в которых отмечалось, что члены делегации (поименно) уполномочены СНК для заключения мира с другими государствами. Покровский также обратил внимание на то обстоятельство, что в мандатах, удостоверявших полномочия членов делегации, должны быть указаны «имя, отчество и фамилия, – именно фамилия, а не литературный псевдоним», т.е. Троцкий должен быть обозначен Бронштейном и т.д.

Покровский вернулся в состав переформированной делегации с 23 декабря 1917 г. (5 января 1918 г.), когда В.И. Ленин подписал удостоверения членам советской делегации А.А. Биценко, А.А. Иоффе, Л.Б. Каменеву, Л.М. Карахану, М.Н. Покровскому и Л.Д. Троцкому о том, что они уполномочены СНК вести переговоры в Брест-Литовске о заключении мира между Советской Россией и государствами Четверного союза, а также удостоверения В.М. Альтфатеру, В.В. Липскому, В.С. Мицкевичу-Капсукасу, Ф.А. Морозу и К.Б. Радеку, включенным в состав делегации в качестве консультантов [Владимир Ильич Ленин 1974, с. 153].

28 января (10 февраля) на вечернем заседании политической комиссии под председательством Р. фон Кюльмана советская делегация во главе с Л.Д. Троцким окончательно отказалась принять германские условия мирного договора. После эмоциональной речи Троцкий огласил свое знаменитое заявление, основанное на крайне дискуссионной формуле «ни мира, ни войны» (см. его текст: [РКП (б). Съезд 7-й. Петроград. 1962, с. 283]). Весьма сложной была реакция не только контрагентов, но и товарищей Троцкого по делегации. Покровский писал в дневнике: «Я не стал разбираться, что тут больше, наивности или трусости (было достаточно и того и другого), но тоже с откровенностью заявил, что этого, я этого во всяком случае не подпишу. Не без воркотни Троцкий согласился прибавить наискромнейшую формулу протеста: “отказываясь подписать аннексионистский договор”». А.А. Чернобаев, ссылаясь на запись Покровского, отмечает: «Покровский не поставил свою подпись под заявлением Троцкого» [Чернобаев 1992, с. 119], оговариваясь, что в официальной публикации текста заявления [Мирные переговоры 1920, с. 208] подпись Покровского значится [Чернобаев 1992, с. 223]. Действительно, Покровский не соглашался с изначальным вариантом заявления Троцкого,

но после дополнения в тексте, принял формулировку итогового заявления и подписал ее, как и сам Л.Д. Троцкий, а также А.А. Иоффе, А.А. Биценко и В.А. Карелин.

Дальнейшие события многократно описывались, поэтому необходимо лишь отметить роль в них М.Н. Покровского, участие которого в Брестской конференции завершилось. Заявление Троцкого и последующий отъезд советской делегации (11 февраля) были восприняты Германией как разрыв мирных переговоров, а потому в полдень 18 февраля (здесь и далее начиная с 14 февраля 1918 г. все даты приводятся по новому стилю), по истечении семидневного срока, предусмотренного на такой случай договором о перемирии, германские войска двинулись в наступление, почти не встречая сопротивления. 22 февраля 1918 г., на заседании ЦК РСДРП (б) Л.Д. Троцкий сообщил о предложении Франции и Великобритании содействовать Советской России в войне с Германией и огласил ноту французской военной миссии. По поводу военной помощи прошла острая дискуссия, так что мнения разделились почти пополам. В итоге ЦК РСДРП (б) шестью голосами против пяти постановил принять предложение Великобритании и Франции. В.И. Ленин на заседании не присутствовал, прислав записку: «Прошу присоединить мой голос за взятие картошки и оружия у разбойников англо-французского империализма» [Ленин ПСС, Т. 50. с. 45; Протоколы ЦК РСДРП (б) 1958, с. 206–208]. К протоколу заседания ЦК РСДРП (б) было приложено коллективное заявление группы членов ЦК и народных комиссаров из состава ЦК, подписанное в том числе М.Н. Покровским, об их несогласии с решением подписать мир с Центральными державами.

Даже после заключения договора в Брест-Литовске вечером 3 марта споры о том, следует ли соглашаться с такой капитуляцией далеко не окончились. В ночь с 4 на 5 марта проходила общегородская конференция Московской организации РСДРП (б), где докладчиком по вопросу о мире выступал Зиновьев, а содокладчиком – Покровский. Точка зрения Зиновьева в поддержку позиции ЦИКа, принявшего германский ультиматум, собрала 65 голосов. Позиция Покровского, которая в целом не отвергала курс большинства ЦИКа на принятие германских условий, была поддержана 46 голосами. 4 марта 1918 г. проходило и собрание Московского Совета. Покровский выступил по вопросу о войне и мире, изложив прежние и нынешние германские условия мира: «Новые германские условия преследуют единственную цель – задушить русскую революцию, и только с этой точки зрения и можно рассматривать домогательства немцев». Высказываясь против подписания такого мира, он говорил, что вместо передышки мы получим деморализацию и «если сейчас пролетариат и крестьянство встанут на борьбу, немцы не смогут с ними справиться» [цит. по: Ксенофонов 1991, с. 367]. Выступая в прениях, Покровский говорил, что перед нашей мирной делегацией еще в

январе стоял вопрос – порвать с войной или революцией, и выход из войны без подписания аннексионистского мира стал попыткой порвать с ней, не порывая с революцией. Решительный поворот в сторону ратификации Брестского мира произошел под давлением Ленина на съезде РСДРП (б) 7 марта 1918 г., а ратификацию удалось провести 14–15 марта на IV Всероссийском съезде Советов.

Покровскому, как историку, было интересно принять участие в столь значимом событии и «не пропустить ни одного момента переговоров», но как верно отметил А.А. Чернобаев, участие в этом процессе не принесло ему ни славы, ни почета. Даже наоборот. Историк Ю.В. Готье записывал о коллеге в своем дневнике: «Мирные условия подписаны М.Н. Покровским (Неверная информация. В последнем этапе переговоров Покровский не участвовал и мира не подписывал. – *А.Р., Л.Л.*) – вот истинно позорное имя в русской истории и позор для школы московских русских историков... Подлец и изменник, способствовавший преданию своего отечества на поток и разграбление немцам... Проклятый, влюбленный в себя квазимодо, к которому я всегда чувствовал какое-то гадливое ощущение. Не сделавшись ничем другим, он стал Геростратом или, вернее, одним из Геростратов России. Что ж! Суд истории его рассудит» [Готье 1997, с. 117–118]. Дневник Покровского показывает, что историк-революционер вовсе не был бесчувственным исполнителем чужой воли, хладнокровно наблюдавшим за экспансионистскими действиями немцев на переговорах. Покровский был противником подписания «похабного мира», однако в итоге он признал, что Ленин был прав, настаивая на его заключении, обозначив, что «суть Бреста была не столько в мире с Германией, сколько в разрыве с Антантой» [Покровский 1928, с. 270]. Оценивая прошлое, Покровский сравнивал Советскую Россию в период Брестских переговоров с человеком, стоящим на шестом этаже горящего здания с дилеммой сгореть заживо или броситься вниз из окна. «При таких условиях многие из нас впадали в “левый” коммунизм, потому что другого выхода нет» [Покровский Октябрьская революция и Антанта, с. 14]. Подробнее данная тема раскрыта в письмах Покровского из Брест-Литовска к жене, которые вскоре планируются опубликовать.

Данный материал является частью работы по специальному проекту, посвященному проблематике Брестского мира. В конце 2020 г. Научным советом РГАСПИ был рекомендован к публикации сборник документов «Брестский мир: пролог, заключение, итоги» (ответственный составитель А.В. Репников; составитель А.В. Борисова, при участии Л.В. Ланника и Б.С. Котова), в котором на основе документов представлены основные темы, связанные с подготовкой, заключением и последствиями Брест-Литовского мирного договора. В настоящее время сборник готовится к печати в издательстве «Политическая энциклопедия» (РОССПЭН).

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Представленные ниже дневниковые записи, сделанные М.Н. Покровским в ходе Брест-Литовских переговоров в перерыве между заседаниями политической комиссии, хранятся в его личном фонде в РГАСПИ наряду с перепиской [РГАСПИ, Ф. 147. Оп. 1. Д. 7. Л. 3–57, 61–65]. О последнем дне переговоров и событиях 11–13 февраля 1918 г. написано после возвращения в Петроград [см.: Первые шаги, с. 152–160]. Все авторские выделения, подчеркивания и зачеркивания отдельных слов сохранены. Для републикации текста А.В. Репниковым были заново сверены тексты дневника, исправлены опечатки, допущенные в публикации 1993 г., подготовлены новые комментарии А.В. Репникова и Л.В. Ланника.

**Дневниковые записи М.Н. Покровского
о переговорах в Брест-Литовске
(Начало 1918 г.)**

Вернувшись в Москву днем, в воскресенье, 3 декабря [1917], я застал там очень смутные и тревожные настроения. Только что, в тот самый день, разыгались манифестации, аналогичные питерской предыдущего воскресеньяⁱ. Поворачивая с Кузнецкого на Петровку, чтобы Столешниковым пройти к Совмину, я видел хвост этой манифестации и на каждом шагу встречал отщепившиеся от нее маленькие митинги. В Совмине говорили о 30–40, даже 70 тысячах участников, ожидали чуть не кадетской и правоэсеровской революции и тому подобного. Вечером должно было состояться заседание президиумаⁱⁱ – повестки уже сейчас не помню. Моя роль сводилась к докладу о заседаниях большевистской секции Учредительного собрания.

В самом начале доклада, едва я успел произнести несколько слов, принесли сразу две телеграммы Троцкогоⁱⁱⁱ – радио и по Юзу¹. Текст обоих был тождественный – мне предлагалось немедленно выехать для присоединения к брест-литовской мирной делегации. «Ваше присутствие совершенно необходимо», – добавляют телеграммы. Предлагалось «захватить секретаря» – отмечаю эту мелочь, потому что она очень усложнила наше личное существование, поведши к совершенно ненужной поездке Л.Н. Покровской^{iv} в Питер.

В Питере, перед отъездом в Москву, я условился с Троцким, что поеду на переговоры в Стокгольм² v числа 10-го – 12-го, сформировав в Москве комиссию экспертов. С одним из них, Кузовковым^{vi}, я уже успел сговориться за воскресенье. К выезду в Брест я был так же готов, как к путешествию в Китай. Я не имел никакого понятия, что делала там наша делегация – не знал точно даже ее состава. По-немецки (я знал, что брестские переговоры ведутся на этом языке) я почти не говорю. А главное, изо всей политической литературы – я собирался, разумеется, подготовиться за неделю, до 10 декабря, и кое-какие материалы мне уже указали – я не успел прочесть ни строчки.

1. Л.Д. Троцкий – М.Н. Покровскому. Телеграмма (3 декабря 1917 г.).

В[есьма] экстренно. Совет солдатских и рабочих депутатов – Покровскому.

Президиум Совдепа, Москва. Принята 3.12.1917 г. – д[ом] генерал-губернатора.

Весьма экстренно, вне очереди.

Настоятельно прошу немедленно выезжать [в] Петроград для участия [в] мирных переговорах [в] Брест-Литовск[e]. Открывается [во] вторник. Ваше участие абсолютно необходимо. Захватите секретаря.

48 – Троцкий.

РГАСПИ.Ф. 147. Оп. 1. Д. 7. Л. 66. Опубликовано: Первые шаги большевистской дипломатии. С. 161.

2. Здесь и далее в тексте все подчеркивания слов сделаны М.Н. Покровским.

Словом, никогда ни один дипломат не выезжал в такую колоссальной возможности командировку более налегке. Здравый смысл говорил, что ехать не следует. Но телеграммы были так настойчивы. Одна из них, радио, была, конечно, подхвачена всеми станциями Европы (потом я узнал, что немцы именно из нее и узнали о моем прибытии – сообщить им комиссариат иностранных дел не догадался). Не поехать значило учинить скандал. Не стану скрывать (в этих записях я стараюсь быть точным, насколько это возможно), что фраза: «Ваше присутствие совершенно необходимо», – льстила моему самолюбию.

Мое, скромного историка, присутствие необходимо для заключения мира между Россией и Германией, а может быть и общего мира после величайшей войны, какую видела вселенная! Только очень крепкая голова могла бы совсем не закружиться от подобной весты. Напишу, и как историку, мне интересно было не пропустить ни одного момента переговоров. Стокгольм, правда, был мне обеспечен – но первая встреча империалистической и социалистической дипломатии должна была произойти в Бресте (переговоры о перемирии велись с военными властями)^{vii}. В Стокгольме я застал бы уже второй акт. Среди присутствовавших в заседании президиума никто не сомневался, что я поеду. Решение – «поехать» – было принято в две минуты. Скомкав кое-как свой доклад, я стал «собираться» – т.е. разыскивать автомобиль (мой багаж остался в Питере, и его я рассчитывал захватить по дороге в Брест). Но Москва не дает мне забыть настроения, охватившего меня по приезде. На очередь встал вопрос о том, как реагировать на утреннюю манифестацию. Мне пришлось остаться, обсуждать вопросы об арестах кадетского комитета и стачечного комитета городских служащих (первый провалился, второй прошел благодаря давлению слева городских рабочих), потом внеочередное заявление командующего войсками. До сих пор звучат у меня в ушах слова т. Муралова^{viii}: «Скажите в Питере, что Рада обезоруживает наши полки!». Почувствовалось что-то зловещее, легла какая-то тень: но что, по видимому, было общего между нахальством Рады и тем, чем я был занят в эту минуту? Кому пришло бы в голову, что слова Муралова могли бы служить эпиграфом ко всему этому рассказу^{ix}?

Питер встретил меня тем, чем проводила Москва. «Сегодня ночью мы предъявили ультиматум Раде»^x, – была одна из первых фраз Троцкого, когда я вошел в его кабинет около 4 часов на другой день. Я опять отнесся к этому, как к чему-то для меня совершенно постороннему. Плохо я держал экзамен на дипломата в этот день! Моя голова была занята исключительно предстоящей поездкой в Брест. Выехав, как видно из предыдущего, из Москвы дипломатически совершенно нагишом (почти нагишом и во всех других смыслах – в том пиджаке, который был на плечах, не захватив даже лишней рубашки: в мою квартиру мне не удалось заглянуть в памятное воскресенье),

я старался хотя сколько-нибудь экипироваться в Питере. Прежде всего, возникал вопрос об «инструкциях» – не мог же я, отправляясь «делать мир», не знать, как представляет себе этот мир «мое правительство». Я был уверен, что у Троцкого я найду готовый план переговоров, в который меня сейчас же и посвятят. Тут меня постигло первое из моих разочарований: если только этот план не скрывался от меня нарочно (а это, по всей ситуации, было бы совершенно нелегко), то оставался один вывод – никакого плана у Троцкого не было. И не было потому, что он относился к миру приблизительно так же, как я к конфликту с Украиной – как к чему-то весьма для него постороннему. «Мы должны держать курс на европейскую революцию» – в этой фразе можно резюмировать всю суть «инструкций» комиссара по иностранным делам. Так как революция должна вспыхнуть не сегодня-завтра (тут мне было сообщено несколько явно неправдоподобных сведений о настроениях в германской армии), то нам выгодна всякая оттяжка. Наши представители в Бресте – особенно Каменев^{xi} – подозревались в наклонности спешить с заключением мира – я должен был им в этом противоборствовать. Особенно ценным представлялся Троцкому и Ленину – временный разрыв^{xii} переговоров. Помимо выигрыша времени, этот разрыв должен был стимулирующим образом действовать на германских левых, подкисших, по сведениям Смольного, при известии о том, что большевики идут на компромисс с германским империализмом. С этой точки зрения разрыв должен был быть возможно эффективным, и Ленин высказывал сожаление, что поеду я, человек мягкий: «надо бы послать какого-нибудь нахала, который отбрил бы немцев» и в 24 часа добился бы разрыва. Это произвело бы отличное впечатление.

Насколько основательны были ожидания близкого взрыва в германской армии, показывает простое сопоставление дат: мой разговор с Троцким и Лениным происходил 4 декабря 1917 года, сегодня, когда я пишу, 26 января 1918-го, – прошло более 6 недель, за это время наша армия почти растаяла, и немецкая не стоит на своем месте, несмотря на прокатившуюся в промежутке по Австрии и Германии волну забастовок. Эти забастовки, конечно, оправдали до некоторой степени надежду на «левых», но нужно сказать, в степени минимальной. Надежды Смольного не были, однако же, только легкомыслием: под ними, несомненно, был известный фундамент, заложенный фальшиво – в этом была главная беда. Фундамент этот заключался в уверенности, что немцам мир с Россией необходим до зарезу. Этим объясняется, например, «легкое» отношение к эксперименту с разрывом переговоров: возобновить их, по мнению Ленина и Троцкого, очевидно (это не их слова, а мое заключение), ничего не стоило – только пальчиком помани немцев, они сейчас же опять прибегут. Снова приходится сказать, что доля основательности и здесь была: доказательством служила венская забастовка^{xiii}, вспыхнувшая, как только на горизонте обозначилась простая возможность разрыва. Но доля

была гомеопатическая, а надежды строились аллопатические. По-видимому, тут кружил голову неожиданный Смольным успех перемирия. Вопреки мнению очевидцев (например, Радека^{xiv}), я думаю, что в Смольном были не очень уверены в наклонности немцев вообще разговаривать с большевиками. Когда немцы пошли не только на переговоры, а даже и на кое-какие уступки (не перебрасывать войск^{xv} и тому подобное), переход от почти безнадежного положения к успеху породил иллюзии.

Раз дело шло о том, чтобы «тянуть», а при удобном случае и «разорвать» – то, очевидно, деловая сторона переговоров не могла интересоваться. Каменеву ставили в вину его, якобы, увлечение «реальной политикой». Мое предложение взять с собой хотя бы из Питера кое-каких «специалистов» (в комиссариате по ин[остранным] делам мне указывали на Доливо-Добровольского^{xvi} и Коростовца^{xvii}, по собственной инициативе я пригласил т. Вельтмана^{xviii}) было встречено кисло: присутствие специалистов могло повести к дальнейшим искушениям вести «реальную политику». Торопили только как можно скорее выехать – ибо опасались, что съезжающие в Брест, по газетам, «светила» дипломатического мира, – Кюльман^{xix}, Чернин^{xx}, возвращался и великий визирь Талаат-паша^{xxi}, почему-то особенно обращавший на себя внимание, – будут «импонировать» нашим делегатам и навяжут им в несколько дней мир. Это предложение, к слову сказать, было уже совершенно не основательно – «оттягивательная» тактика брестскими делегатами даже преувеличивалась: но об этом ниже. Как бы то ни было, я выехал из Питера экстренным поездом на Двинск через несколько часов после моего приезда. Не успел захватить даже за своим багажом в «Асторию» – кое-какое белье купила мне О.Д. Каменева^{xxii}, делавшая вообще закупки для делегации. От нее же я узнал, что у меня в Бресте будет «начальство», в виде председателя делегации А.А. Иоффе^{xxiii}. Очутиться под началом, мне, давным-давно от начальства отвыкшему, да еще у совершенно незнакомого человека, было не особенно приятно; но отказываться ехать из-за этого было бы смешно.

Путешествие до Двинска было так банально, как только может быть путешествие в министерском «салоне» – нечем вспомнить. Ничего примечательного не было и в самом Двинске, где нас – т.е. меня, Вельтмана, стенографа Я.В. Хлебникова^{xxiv} и писаря-машиниста – встретил комиссар 5-й армии Собакин. Но за Двинском уже начались «впечатления». Предшествующих делегатов довозили поездом до 514 версты, т.е. почти до окопов. Собакин предложил нам проехаться в автомобиле прямо от Двинска до нейтральной зоны (17 верст). Предложение было заманчиво – погода дивила, из автомобиля больше увидишь, чем из вагона. Первым «впечатлением» были батарея артиллерии, ехавшая на позиции кого-то, очевидно, сменять. Это, как будто, свидетельствовало, что «все в порядке». Но дальнейшие впечатления поправили первые. Скоро мы подъехали к большой массе пехоты, располо-

жившейся, по-видимому, биваком. Для комиссара встреча была, как будто, неожиданной – он забеспокоился и стал опрашивать: «Товарищи, какого полка?» Он раз десять повторил этот вопрос, пока автомобиль медленно проезжал сквозь тысячную – по крайней мере – толпу. Ответа я не слышал – сидел я рядом с Собакиным. Сомнений быть не могло – перед нами был типичный образчик «расползания» армии. Окопы, расползавшиеся не менее самой армии, дополнили это впечатление: осыпавшиеся брустверы, разрушающиеся землянки, порванные – и не восстанавливавшиеся – проволочные заграждения явно свидетельствовали, что под Двинском воевать больше не собираются. С русской стороны, по крайней мере. И этого впечатления не исправляла лестная для нас параллель – нашего молодежавшего рослого часового, в своем полушубке и папахе так живо напоминавшего дружинников 1905 года^{xxv}, и мухортого немецкого ландштурмана, раздавленного своей тяжелой траншейной каской, настоящим средневековым шлемом (немецкая каска чуть ли не вдвое массивнее того, что я видал на головах французских и английских пехотинцев – но, говорят, только такие шлемы и достигают цели^{xxvi}). Люди у нас есть, конечно – только захотят ли они драться?

Мне очень хотелось бы перенести на бумагу настроения, на которые наводила «зона» – необъятная пелена гигантского кладбища (нам сообщили, что тысячи трупов, оставшиеся от старых боев, так и лежат неубранными), с одинокой телефонной будкой посередине, где бок о бок отделенные тонкой, даже не сплошной, тесовой перегородкой, жили вчерашние «неприятели»: наши военные телеграфисты, с одной стороны, немецкие – с другой. Но, боюсь, это было бы только скучно. Десятки раз, верно, это описано или будет описано. Немецкие окопы дали нам, наконец, картину траншейного мира не в состоянии разрушения. Но эту картину мы увидели не сразу: благодаря тому, что, как я уже говорил, Смольный не догадался известить Брест о посылке человека, присутствие которого «совершенно необходимо»^{xxvii} для переговоров, на зоне нас не ждали – и «зона» два часа разговаривала по телефону с Брестом. Выручила нас радиотелеграмма, принятая, конечно, и немецкими станциями: из «перехвата» германский штаб узнал о моей поездке – оставалось только отождествить меня с одним из прибывших на зону русских. Это и было поручено посланному нам навстречу офицеру – но так как тот должен был выехать совершенно невзначай, то слегка задержался, и нам пришлось, дожидаясь его, два часа продежурить на морозе, не очень, правда, сильном. Не зная всей этой закулисной стороны и наслышавшись о любезности немцев, мы с Вельтманом были немножко удивлены «холодностью приема»: и тут в первый раз в моей голове появилась смутная ассоциация нашей одиссеи – с украинцами. Кажется, на нее навело найденное нами в валявшемся у наших телефонистов номере немецкой газеты сообщение о выезде в Брест украинской делегации. Кажется – ибо наверно этого не

помню. Но вот что помню совсем отчетливо: когда, наконец, после длинного ожидания (под конец уже по ту сторону немецких траншей) подъехал немецкий автомобиль, и из него выскочил высокий лейтенант, одной из первых фраз, услышанных нами, было: «На днях я, как раз, сопровождал трех украинских делегатов, проехавших в Брест»^{xxviii}. Германский фронт встречал нас тем же, чем встретил Питер – и проводила Москва. Через двести лет воскресла история Мазепы...

Дорога от Двинска до Бреста была чуть-чуть богаче впечатлениями, нежели от Питера до Двинска. Первое «впечатление» давал сам лейтенант Юст, показавшийся мне в первую минуту чрезвычайно накрахмаленным и противным, а по ближайшем знакомстве обнаруживший много добродушия. Мне кажется, он сначала сомневался не самозванцы ли мы. Дело в том, что Смольный снабдил своих «дипломатов» совершенно необычными, для подобного случая, бумагами: мне, например, буквально, было выдано, «удостоверение», что я – такой-то и принадлежу к составу брестской мирной делегации³. По существу дела, для границы, особенно русской (документ, разумеется, был написан на этом языке), этого было вполне достаточно, но человек, привыкший к обычному типу «дипломатических паспортов», нашел бы, чему удивиться. Лейтенант не без иронии спросил: «Это действительно

3. М.Н. Покровский – Л.Д. Троцкому.

7. XII. 1917 г.

Дорогой Лев Давидович!

За невозможностью говорить с Вами по Юзу (Юз испортился, посылаем к Вам сегодня курьера, который в субботу, авось, будет в Питере). Мое положение оказалось нелепее, чем я думал – меня здесь встретили, на основании Вашей радиogramмы, которую приняли, разумеется, и немецкие аппараты, – как особоуполномоченного для заключения мира, между тем у меня не только «особых», но и никаких вообще полномочий нет.

Написанное канцелярией Смольного «удостоверение» годится именно только как «удостоверение личности», не больше. Если я правильно понял принца Леопольда, и другие члены делегации не в лучшем положении – полномочий для заключения мира и у них нет. Немцы имеют полное право с нами не разговаривать – и если делают это, то от великой любезности. Необходимо заготовить бумаги, где черным по белому было бы написано: «Совет Народных Комиссаров назначает такого-то (имя, отчество и фамилия, – именно фамилия, а не литературный псевдоним) уполномоченным для заключения мира с...».

В договоре будет, конечно, как всегда, оговорено, что все, нами сделанное, подлежит ратификации Совета (или Учредительного Собрания – это уже Вы решите в Питере), и без этого силы не имеет.

Сердечный привет!

М. Покровский.

[РГАСПИ.Ф. 147. Оп. 1. Д. 7. Л. 60–60 об; опубликовано: Первые шаги большевистской дипломатии. С. 161.]

сам г. Троцкий подписал?» Убедившись из разговора, что мы, если и не профессиональные дипломаты, то во всяком случае люди интеллигентные и едущие, действительно, для участия в мирных переговорах, он переменял обращение – и в Бресте мы расстались друзьями. До Бергофа мы опять доехали в автомобиле – и на этот раз, под вечер, я уже серьезно продрог. В Бергофе нас посадили в старый прусский вагон – типа, в котором я ездил⁴ в Германии в 1898 году, только тот был III класса, а этот первого и мы получили первый предметный урок того, до чего расхлябаны железные дороги даже в Германии. Впрочем, тут могло играть роль и то обстоятельство, что германская сеть благодаря территориальным захватам выросла не на один, вероятно, десяток тысяч километров. Следующим впечатлением была еда. Тут было вне всякого сомнения, не без «обстановочки». Но как бы ни было, нет сомнения, что хлеб пекли не специально для нас – и что такого хлеба я не ел с незапамятных времен, ибо даже «военный» французский хлеб, не говоря о российском, был, сравнительно, жалким суррогатом. Не специально для нас готовили и обед на виленском вокзале – ибо тогда пришлось бы предположить, что специально было напечатано и меню, лежавшее на столе, а это уже для всякой «обстановочки» было бы слишком. А на этом меню значилось, что обед стоил три марки (по биржевому курсу тех дней почти три же рубля): в Питере такого обеда дешевле восьми рублей получить бы не удалось. После я узнал, что масса населения и в Вильне и в Варшаве страдает от голода жестоко, что наблюдаемая нами пищевая благодать явление чисто классовое – что хорошее ест только буржуазия. Но так как мы были в царстве империализма, а не социализма, то это было не удивительно – на лицо же был тот факт, что с деньгами, причем отнюдь не сумасшедшими, в «голодной» Германии можно было быть сытым лучше, нежели в России. В Берлине, как уверял нас прежде всего сопровождавший нас лейтенант (это потом подтверждалось неоднократно и из других источников) отношения ровные – ибо Берлин (это уже не лейтенант говорил, а мое собственное заключение), это нечто вроде колоссального коллективного «буржуа», эксплуатирующего всю остальную Германию и, прежде всего, все оккупированные области. Как бы то ни было, как уверенность, что Германии мир необходим «до зарезу», так и надежды на германскую революцию *à la russe*⁵ на почве голода, видимо, подлежали серьезнейшему ограничению.

Везли нас через Пруссию – прямой поезд на Брест ушел утром – причем, нам пришлось пересаживаться первый раз недалеко от Кёнигсберга, в Коршены. Никаких попыток изолировать нас, помешать что-нибудь видеть – не делалось. Когда на второй пересадке нам дали вагон с наглухо закрытыми

4. Так в тексте.

5. В русском стиле (франц.).

окнами, наш спутник выражал негодование – опять едва ли подстроенное, ибо он сразу же предложил нам перейти в свое купе, где окна были открыты и можно было любоваться пейзажем литовских болот и лесов. Ехали медленно – и только к часу пополудни на следующий день мы были в Бресте. От встретившего нас на вокзале Л.М. Карахана^{xxxix} мы узнали, что не только Кюльмана, Чернина и проч., но даже и нашего «начальства» в Бресте нет – Иоффе и Каменев уехали в Варшаву^{xxx}. Сразу же стало ясно, что так торопиться не было никакого смысла – что я отлично мог бы выехать из Москвы, по крайней мере, сутками позже и несколько менее «налегке» во всех смыслах. И тот же опять зазвучал «лейтмотив»: первое, что мне с негодованием рассказали Карахан и Биценко^{xxxi}, было «выступление» украинского делегата Любинского^{xxxii} на утреннем, в этот же день, совещании с немцами об обмене военнопленными. Вопрос не заключал в себе ровно ничего «политического» – тем характернее, что Любинский даже и здесь нашел нужным отмежеваться от «кацапов» притом в нелепо-демонстративной форме. Видимо, ему было приказано из Киева во что бы то ни стало проявить свою самостоятельность – а умнее способа он не нашел.

Сразу же обнаружили и еще кое-какие досадные мелочи. К числу «досадных» нельзя, конечно, отнести то, что меня поместили в комнату, где застрелился Скалон^{xxxiii} – это только наводило на грустные размышления: след, оставленный пулей на стене, служил одним из самых выразительных *memoria mori*⁶, какое я видел в моей жизни. Но были вещи, наводившие на неприятные размышления уже другого порядка. Завтрак нам дали еще в нашей квартире (Воск⁷, на северной стороне старой николаевской крепости, служившей теперь цитаделью) – но предупредили, что обедать придется идти в «казино»⁷. Нужно было обладать или очень большой моральной толстокожестью, или очень слабым характером, чтобы пойти на те условия питания, в какие поставили нас немцы. Заявив, что в Бресте только одна кухня (это вздор, их было, по крайней мере, две), ибо, собственно, города нет (это была правда, от Бреста-города стояли одни руины, едва ли можно было найти дюжину обитаемых домов, нет, значит, ни гостиниц, ни ресторанов и тому подобного, немцы убедили наших, что питаться можно только «коллективно» – с ними, немцами, вместе. В виде «почета» наших водили есть в маленькое «казино», где питалась главная квартира принца Леопольда Баварского^{xxxiv}: было еще большое («казино III»), где ело гарнизонное офицерство. Для «почета» же нас сажали вместе с принцем и генералами – строго придерживаясь

6. *Помни о смерти (лат.).*

7. *Определение не несет современное нам значение игорного дома. Под офицерским казино подразумевалось место, аналогичное офицерскому или полковому собранию.*

чинопочитания: по мере того, как съезжались дипломаты, гофмаршалу принца приходилось заново и заново перерешать трудную задачу пересадки гостей «по чинам». Выше всех сажали, как председателя, Иоффе, затем Каменев, затем альтернативно я и Биценко (кого из последних сажать выше, гофмаршал, видимо, так и не мог окончательно решить), затем Карахан и Любинский. Для экспертов, кроме состоявших в генеральских чинах, адмирала Альтфатера^{xxxv} и генерала Самойло^{xxxvi} (сменившего покойного Скалона), за «генеральским» столом места уже скоро не стало хватать – и тов. Вельтмана, например, стали отсаживать в соседнюю комнату, к адъютантам. Уже этого было бы достаточно, чтобы спросить себе отдельную комнату, где мы были бы все вместе: аргумент «от кухни» тут нельзя было бы применять. Но наши шефы, игравшие в дипломатов с увлечением гимназистов, впервые приглашенных учителями в свою среду, ничего не замечали, упоенные возможностью беседовать с «самим» Кюльманом, «самим» Черниным, «самим» Гофманом. Надо было видеть, с какой неподражаемой важностью Иоффе при Каменеве рассказывал после обеда об этих беседах. «Сегодня мне Кюльман говорит такую штуковину», – начинал, например, Каменев. А на другой день Иоффе имел свой реванш: «Ну-с, нынче у меня был разговор с Черниным»... Обратной стороной всех этих «штуковин» было то, что немцы – нам разумеется, ничего не выдавшие: они прекрасно помнили, что дипломату язык дан для того, чтобы скрыть свои мысли – имели возможность по два раза в день «изучать пульс» русской делегации^{xxxvii}. Тут был уже практический вред всей системы: и если рассаживание «по чинам» не коробило представителей социальной революции по нравственной толстокожести – качество, для дипломата, скорее, выгодное – то не замечать практического неудобства «братания в казино» можно было лишь по толстокожести умственной: качество именно для дипломата уже безусловно отрицательное.

Может явиться вопрос: что побудило Смольный поставить во главе делегации таких людей⁸. Ответ дан выше: мир считали лежащим в кармане.

Чтобы поднять вещь, валявшуюся на полу, нет нужды в больших талантах. В то же время человек более или менее крупный, талантливый, при наклонности к интриге (а кто же из партийных лидеров к ней не склонен, более или менее?) легко мог себе приписать честь находки – и использовать

8. Формально, председателем был Иоффе, как я говорил уже. Но немцы обращались безразлично и к нему, и к Каменеву, к последнему даже предпочтительно, подвергая тем самолюбие Иоффе жестокому испытанию. Причиной могла быть большая болтливость и покладистость Каменева – но могла быть и специальная причина, столь характерная, что ее стоит отметить: при первом же разговоре, Леопольд Баварский счел нужным выяснить, правда ли что Каменев – зять Троцкого. Я подтвердил, к видимому удовлетворению его высочества. – Прим. М.Н. Покровского.

свое участие в переговорах для конкуренции с «вождями». Все это побуждало отправить в Брест людей, которые конкурентами Ленина и Троцкого ни в каком случае выступить не могли бы.

Что во всем этом расчете могла быть опять-таки доля правды, показывали бурные аплодисменты, какими широкие собрания встречали Каменева. Быть может, потому именно председателем и назначили не его, а совсем уже бесцветного Иоффе. Характерно, что после наиболее яркого триумфа Каменева, на съезде Советов в январе^{xxxviii}, он в Брест более не вернулся.

Мы с Вельтманом приехали в Брест в среду 6-го декабря (старый стиль). Иоффе и Каменев вернулись из Варшавы 7-го, в тот же вечер появился за обедом Чернин, на другой день Кюльман, а 9-го, в субботу, было первое заседание конференции, в специально отделанной зале Casino III (которую с места в карьер пришлось переделывать, ввиду невозможной акустики – за десять мест от оратора ничего не было слышно). Это первое заседание могло бы подкрепить предрассудок о том, что «немцам мир нужен до зарезу»: слова принца Леопольда о *mächtige Russische Republik*⁹ прозвучали очень приятно в ушах нас, людей 1905 года^{xxxix}, и, конечно, не по внутреннему влечению сорвались с языка баварского принца, помнившего еще Александра II. Нам льстили – но тут же и показывали, что дальше формальностей эта лесть не пойдет и что по существу с нами церемониться не предполагают. Имея некоторые сведения по дипломатической истории и некоторый опыт в собраниях, не только партийных, я накануне возбудил вопрос о председательстве в заседаниях конференции – к вопросу о председательстве так часто сводится, ведь, вопрос об инициативе. Мне с уверенностью людей, уже богатых дипломатическим опытом (Каменев и Иоффе вели переговоры о перемирии), ответили, что все предусмотрено, порядок заседаний давно установлен – словом, что «новичкам» нечего тут соваться и подавать советы. В результате, когда Кюльман, вовсе не считаясь с «опытом» делегации, заключившей перемирие, и правильно рассуждавший, что перемирие одно, а мир другое, что мирная конференция отнюдь не есть продолжение перемирной, поставил вопрос о председательстве, мы оказались совершенно не подготовленными, и немцы (у них, наоборот, все было готово) в пять минут провели план, отдававший 4/5 инициативы в их руки. Они предложили рассматривать все пять делегаций (Германия, Австро-Венгрия, Болгария, Россия, Турция), как равные, и предоставить им председательство по очереди в алфавитном порядке, читая их названия по-французски. Фактически, четыре раза председательствовал немец, один раз русский – причем мы не догадались даже на образование *Senioren-Conventa*, Совещания председателей, которое устанавливало бы по-

9. *Могущественной Российской республике (нем.)*.

рядок дня. Благодаря этому, четыре раза из пяти – а в действительности, все разы, кроме последнего, торжественного, заседания, мы отправлялись разговаривать с немцами, совершенно не представляя себе, о чем, собственно, будут говорить – значит совершенно лишённые возможности сколько-нибудь подготовиться. Всякое заседание – и уже для нас всех – повторяло мою поездку в Брест.

29. I / 11. II.¹⁰ Не писал два дня – вчера, наконец, мы «разорвали», несколько на манер Подколесина^{xi}, – но об этом будет речь по очереди. Сегодня мы уезжаем. Когда мне приходится уезжать навсегда из места, не бывшего для меня только ночевкой, мне бывает жалко оставляемого навеки кусочка моей жизни. Здесь, в Бресте, я прожил два месяца – не самых пустых и ничемных в моей личной истории. И никакого чувства у меня нет! Одеревенел ли я с годами – или очень уж тяжело пережитое здесь?

Хотел отложить рассказ о «последнем дне» до соответствующего места. Но не лучше ли это теперь же сделать? Когда-то еще выберется свободный день! Предпоследнее (sic!¹¹) заседание конференции я «прогулял»: утром за завтраком услышав от самого Троцкого, что немцы перенесли «политическую комиссию»^{xii} на вечер, я соблазнился чудесной погодой и прошел верст 8. Вернувшись уже к полудню, с газетами, я, когда оные были прочтены, удивился царствующей в доме тишине. Не спят же люди в этот час? Пошел в противоположную квартиру, сообразив, что может быть, у нас маленькое «свое» заседание перед немцами (собирались мы на половине Троцкого, через площадку). Но и тут нашел тишину и пустоту. И только писари в канцелярии Карахана, в свою очередь удивленные моим появлением, объяснили мне, в чем дело: только что я вышел из дому, как немцы позвонили по телефону и, с извинениями, сваливая вину на австрийцев, сообщили, что восстановлен старый час заседания – 11 утра. Я посмотрел на часы – было ½ первого, а в час мы завтракали. Идти к шапочному разбору не стоило.

Вернувшиеся к завтраку наши рассказали, что по существу ничего особенного не происходило (Радек и Бобинский^{xiii} читали декларацию от имени поляков) [см.: Мирные переговоры 1920, с. 171–176] – но что **тон**¹² немцев был достопримечательный – так грубы они еще никогда не были. Кюльман сказал Чернину на одном месте декларации, почти вслух: «какое бесстыдство!». Завтра нам предъявят ультиматум – было общее мнение. Известно было,

10. Выделено в тексте.

11. Так (лат.).

12. Выделено в тексте.

что мир с украинцами, если и не подписан, то решен окончательно – торгуются о последних мелочах.

Назавтра был не ультиматум, а никчемное, как всегда, «турецкое» заседание. Это была пятница. На утро субботы наши (немецкие) «ордонансы» рассказали нам, что ночью немецкое офицерство праздновало в казино мир с Украиной. На 11 часов субботы (9-го ст. ст.) было назначено общее собрание, где Кюльман обещался «резюмировать» итоги переговоров. Резюме было короткое, бесцветное – и вовсе не такое грубое, как я ожидал, настроенный предыдущими рассказами. Троцкий отвечал – по обыкновению длинно, по обыкновению красиво, и по обыкновению же, я бы через полчаса не был в состоянии даже вкратце «резюмировать» слышанное. Такая уже моя судьба по отношению к речам Троцкого – но так как все сие благоговейно сохранено стенограммами и напечатано в «Правде», то беды большой нет^{xliii}. Позже нам сообщили (кажется, Чернин) о подписании мира с Украиной, что оказывается, было не вчера вечером, а лишь в субботу же утром – немцы праздновали в кредит. Под совершенно надежное обеспечение, впрочем: накануне, когда мы плели турецкую канитель, мимо нас провели в «совещательную» комнату украинцев, и по их перекошенным и вытянутым лицам видно было, что эти люди только что перешли какой-то рубикон. Субботнее заседание кончилось на предложении Кюльмана: образовать подкомиссию для окончательного изучения намеченной гофмановским проектом пограничной черты^{xliv} (краткую характеристику ей Троцкий дал в заранее заготовленной декларации, которая дождалась своей очереди уже вторую неделю) [см.: Мирные переговоры 1920, с. 188–205]. Нами предложение было принято.

Так как все делегации назначили в подкомиссию своих «спецов», в качестве «дипломатических» представителей – немцы Розенберга^{xlv}, австрийцы Гратца^{xlvi}, Ф. Визнер почему-то впал в немилость^{xlvii} – или был специально прикомандирован к украинцам: именно он их вел, когда мы сидели с турками; возможно, впрочем, что тут просто соблюдалось равновесие между двумя половинами империи: Гратц (бывший венгерский министр), то я был уверен, что от нас пойдет Иоффе. Так как подкомиссия, к тому же и ничего интересного не обещала, то я и на нашем предварительном совещании держался зрительной роли. Ораторствовал больше всех Иоффе – меньшевистская природа которого тут выразилась во всем блеске. Он настоял, чтобы, даже получив отказ на Моонзунде^{xlviii} (что, по мнению наших военных экспертов, решало дело), наши представители отнюдь не рвали, а продолжали беседовать с немцами дальше. Так как было совершенно определенно решено, что без Моонзунда мы не подписываем, то дальнейшая беседа могла иметь лишь один смысл: хотя бы на несколько часов отдалить роковую минуту, когда мы должны были сказать: «Нет». Но еще более опасные тенденции обнаружились, когда мы перешли к обсуждению возможности, что на Моонзунде немцы

сдадут. «Допущение» было почти академическое – но австрийцы уже несколько дней забегали с заднего крыльца, первый раз приходил даже сам Чернин, с Гратцем, позже один Гратц, видно было, что они страшно жаждут соглашения, вопрос сводился к авторитетности австрийцев. Если немцы на них не совсем плюют, то, быть может, они что-нибудь и выторговали? Как бы то ни было, решено было обсудить и случай, что нам придется идти и дальше Моонзунда. Проект военного ведомства стоял тут на этнографическом принципе: Латвию «нам» – Литву «им». Граница получалась, с военной точки зрения, нелепой до последней степени: нечто вроде блаженной памяти «Царства Польского», повернувшего на 180° внутри. В военном министерстве, видимо, или коварно «саботировали», или очень холопски старались угодить новым господам^{xlix}. А так как задача подкомиссии и заключалась в рассмотрении границы именно с военной точки зрения, то нашим экспертам выпадала тут на долю задача защиты вопиющей стратегической нелепости. Альтфатер, всеми силами души ненавидящий «самоопределение национальностей» – как всякий хороший ремесленник ненавидит то, что портит ему чистоту работы – немедленно же ухватился за дефект «военной» программы и стал проводить свою стратегическую границу, на мой взгляд, едва ли очень много лучшую, однако не столь нелепую – но имевшую ту особенность, что она резала пополам и Латвию, и Литву. Латвия была уже разрезана немецким проектом, тут нового не было, но целостность Литвы нарушалась впервые, и нарушалась нами. Тут и произошел эпизод, ради которого стоит обо всем этом писать: когда литовский представитель Мицкявичус-Капсукас горячо возопил¹³ против операции, проводимой Альтфатером над его родиной, Троцкий заявил, что для Литвы даже выгоднее быть разрезанной, ибо тогда русская половина станет революционным очагом для немецкой. После того, как мы два месяца во всякое время дня и ночи отстаивали «право всякого народа на самоопределение», это был, нужно сказать, довольно новый принцип.

Под конец заседаний не совсем ожидаемо¹⁴ для меня, считавшего вопрос решенным, возник разговор о «дипломатическом» члене подкомиссии¹. Альтфатер назвал меня. У меня не было ни малейшей охоты путаться под самый конец в дело, где я до сих пор ограничивался созерцанием, я отказался – сославшись на то, что мои исторические познания тут не при чем, а мой стратегический дилетантизм явно излишен при наличии профессиональных военных. Затем я ушел из комнаты, где нервничавший Троцкий запретил читать газеты (их только что привез курьер из Питера). За обедом Иоффе мне говорит: «Так значит, М[ихаил] Н[иколаевич], Вы идете завтра в подкомиссию?» Я ответил недоумением, спросил подошедшего тем временем Троцко-

13. Так в тексте.

14. Так в тексте.

го – но тот уклонился от ответа. Видимо Иоффе был взбешен, что военные предпочитают меня – а Троцкий не хотел обижать своего «Санчо-Пансо»¹⁵. Меня споры в нашем совещании несколько подогрели, я понимал, что наступает момент, когда нужно «держаться» – [что^{li}] – и что на это Иоффе сейчас способен меньше, чем когда бы то ни было. Тем не менее иметь вид «вторгшегося» совсем не входило в мои планы. После обеда я пошел в комнату, где собрались над картами наши военные, нагнал как раз на ее пороге Иоффе и при военных спросил его, кто же из нас пойдет? Тут уж он потерял всякое самообладание и завопил в истошный голос, какой я неприятный человек, вечно со мной возня (никогда никакой возни со мной не было, особенно для Иоффе) и тому подобное. Смысл был тот, что он не пойдет ни в каком случае, должен идти я непременно. Сказано было это публично, при тех самых, с кем я должен был идти – мне этого было довольно.

Отчасти под впечатлением этого¹⁶ инцидента, отчасти из-за болтавших всю ночь поляков, я совсем не спал. От бессонницы, однако, получился тот хороший результат, что я обдумал окончательно планы Альтфатера – и решил, что этнографическому принципу изменять ни в каком случае не следует. Тем более, что по альтфатеровскому же выражению, это был явный «херувим» более чем очевидно было, что не только половины Литвы, но и кусочка Латвии немцы нам не дадут. В то же время это позволяло поставить вопрос о белорусах^{lii}. У военных был тоже теперь свой стратегический «херувим» – Альтфатер и Липский¹⁷, после долгого спора сошлись на линии Немана. Как и следовало ожидать, немцы остановили нас задолго до этого. Заседание подкомиссии – их было два: утром в воскресенье в 10 часов, и в 4 – были с внешней стороны, полным нашим торжеством: утром Альтфатер положил на обе лопатки Гофмана, весьма убедительно доказав, что гофмановские границы отнюдь не оборонительные, как утверждал автор (совершенно, видимо, не нашедший нужным готовиться к этому заседанию), но явно наступательные, а вечером та же удача досталась мне, на вопросе о белорусах (подробностей не выписываю, ибо все это есть в стенограммах) [см.: Мирные переговоры 1920, с. 188–205]. Между утром и вечером немцы пошли на огромную экономическую уступку (свободный транзит и соиспользование Либавы, Виндавы и Риги) – но так как Моонзунд остался в прежнем положении, и немцы прекрасно понимали, что этим дело кончится, то Гратц оборвал разговор, в сущности, на полуслове (опять очень удачно для нас – как раз на белорусах: протест против покушения на

15. Так в тексте.

16. Так в тексте.

17. В публикации в «Вестнике РАН» ошибочно «Ленский». Есть там и ряд других неточностей; в комментарии № 20 к публикации ошибочно указано на самоубийство В.М. Альтфатера. Правильно – В.Е. Скалона.

право самоопределения русского народа остался поздним нашим заявлением, как финальный аккорд), заявив, что им ничего не остается, как передать своим делегациям, что почва для соглашения не найдена.

Вернувшись, я нашел уже готовой нашу ответную декларацию: после утреннего заседания положение было столь безнадежно, что не стоило дожидаться результатов вечернего. (Тем паче, что в 2 часа к Троцкому снова забежал Гратц и сообщил ему, что немцы «не уступают»). Заявление мне не понравилось кое-какими, не столько марксистскими, сколько толстовскими фразами^{liii} – и слишком категорическим обещанием демобилизации. Я бы предпочел, чтобы протест был резче, а обещания туманнее, но в общем это был красивый документ обычного «троцкистского» типа. На заявление Троцкого, что это надо подписать, я несколько удивленно возразил, что по-моему, это дело правительства, а не делегации – но получил ответ, что делегация уполномочена была подписать договор, значит, может подписать и протест. В конце концов, документа этого рода все ожидали – объявить «революционную войну» я бы не взял на свою ответственность, словом, серьезных оснований уклоняться от подписи у меня не было.

Я вошел в соседнюю комнату, через пять минут Карахан меня позвал подписывать. Я немного изумился, что так быстро успели переписать довольно длинный документ, подошел, с удивлением увидел очень короткий текст, стал читать – и вместо протеста прочел голое заявление, что Россия прекращает войну и демобилизует свою армию!^{liv}.

Смысл дела был ясен: протест говорили «через окно» – предназначали для русских, немецких, польских рабочих. А германскому правительству говорилось весьма откровенно: «вы не обращайтесь на все эти фразы внимание – воевать мы больше не будем».

Я не стал разбираться, что тут больше, наивности или трусости (было достаточно и того и другого), но тоже с откровенностью заявил, что этого, я этого¹⁸ во всяком случае не подпишу. Не без воркотни Троцкий согласился прибавить наискромнейшую формулу протеста: «отказываясь подписать аннексионистский договор»^{lv}. Этого было, конечно, мало – но час общего собрания уже наступил, спорить было некогда, надо было довольствоваться хоть этим.

Мне пришлось еще выдержать сильную сцену с А.А. Биценко, по обыкновению, ничего не понявшей, и по обыкновению ж, обидевшейся за это не на того, кто ей втер очки, обругать мимоходом трусливейшего в

18. Так в тексте.

мире представителя «революционной Украины» – и мы пошли на «торжественное заседание»¹⁹.

13. II (31. I) – последний раз приходится отмечать старый стиль!

На последнем заседании Троцкий объявил, что мы все немедленно уезжаем из Бреста. Начались переговоры о поезде, которые к 10 часам вечера кончились заявлением немцев: все сейчас уехать не могут, ибо ранее 30 часов не может быть готов экстренный поезд (явный вздор – на составление его всегда требовалось 5–6 часов, мы же не настаивали на отъезде немедленно, и готовы были ждать до утра понедельника). С обычным же утренним поездом они могут отправить не более 4 (сначала говорилось даже только о 3, потом смилостивились на 5, под конец снова урезали одного) – опять-таки. Совершеннейший же вздор, поезд мог увезти по меньшей мере десяток. Очевиднейшим образом, выжидались результаты совещания четырех спорных делегаций (читай Кюльмана с Гофманом) и готовились заложники за Мирбаха и К^olvi на случай разрыва. Вопрос: кто поедет, стал, конечно, сейчас же очень жгучим. Я сразу от него устранился – мне хотелось отдохнуть, собраться с мыслями, пописать, словом просидеть лишний день, два в Бресте. Устранившись, я завалился спать очень рано и всю трагедию проспал. Остальная

19. См. документ, характеризующий состояние М.Н. Покровского в данной ситуации:

М.Н. Покровский. Проект заявления. 10 февраля 1918 г. (Черновик)

Народному Комиссару по иностранным делам тов. Троцкому.

Члена мирной делегации Покровского.

Заявление.

Уважаемый товарищ!

Ввиду состоявшегося сегодня постановления мирной делегации – остаться в Брест-Литовске на неопределенное время не ради определенной работы, а в ожидании решения, которое будет принято центральными учреждениями относительно новых германских предложений, я, как явившийся в Брест-Литовск именно для определенной работы и не делегированный центральными учреждениями, должен заявить, что для себя лично я не вижу никакой необходимости оставаться здесь далее – не жели интересы работы – т.е. ход переговоров по экономическим и другим вопросам – этого потребуют. И мои другие обязанности – представителя московского Совета Р[абочих] и С[олдатских] Д[епутатов], члена Учредительного собрания и др., мои личные дела не позволяют мне проводить целые месяцы (я уехал из Москвы по Вашему настоятельному приглашению 3 декабря 1917 г.) за границей «без определенных занятий».

И ввиду этого, если со стороны центральных учреждений не последует специального предписания (На этом месте текст обрывается. – А.Р., Л.Л.)

[РГАСПИ.Ф. 147. Оп. 1. Д. 7. Л. 67–67 об; опубл.: Первые шаги большевистской дипломатии. С. 161.]

компания, после всенощной истерики, решила (т.е. решил, собственно, Троцкий), что в первую голову поедут два народных комиссара, как, очевидно, наиболее ценные члены делегации. Радек, как подвергающийся наибольшей опасности в случае разрыва, и стенограф Хлебников – этот уж не знаю, почему.

Четверо «избранных» уехали в понедельник рано утром. Немного попозже Криге^{lvii} позвонил Иоффе, прося позволения зайти после их конференции «проститься с людьми, с которыми он так привык работать вместе». Ясно было, что он должен был неофициально передать нам решение конференции. Криге пришел после обеда, видел одного Иоффе, просидел с ним 3 с половиной часа, говорил совершенно unverbindlich²⁰, и сообщил, что перед конференцией были три решения: разрыв и возобновление военных действий (чистая бессмыслица – очевидно, за это стоял один Гофман), продление перемирия ad infinitum²¹ и параллельное заявление германской стороны, что они также считают войну прекращенной. Какая из двух последних версий будет выбрана, Криге не знал – это должен решить Берлин. Форма газетного извещения о происшедшем, которую мы прочли на другой день, говорит, как будто, в пользу 3-го извода – он, действительно, самый выгодный для немцев, т.е. перемирие ставит их в зависимость от добросовестности противника (который может всегда возобновить военные действия, предупредив за 7 дней) и стесняет переброску войск на западный фронт.

~~На другой день~~²² В 10 часов вечера был, наконец, подан экстренный поезд. Мы трогательно простились с нашими «ордонансами» (метр д'Бри держал к нам речь, где говорил, что никогда рука немецкого рабочего не поднимется больше против русских – пишу со слов Иоффе, ибо сам речи не слышал, был уже внизу) – и оставили Брест, после двухмесячного почти сидения надо надеяться навсегда. Дорогой прочли текст договора с Украиной – разговоры об этом заполнили всю вторую половину пути. Немцы исправили полотно уже до самой «зоны», так что нам не пришлось пересаживаться ни в «трамвай» [см.: Фокке 2017, с. 42–43], ни в сани. Но пришлось часа три просидеть на зоне, так как там в это время происходил обмен пленных-инвалидов (с русской стороны, рассказывали немцы, для приема ничего не было приготовлено – даже носилок не было), а поезд потом из Двинска за нами никак не мог прийти. От нечего делать наши ходили смотреть пустые, брошенные окопы и находили там не только стаканы шрапнелей, неразорвавшиеся немецкие снаряды, и тому подобные «остатки», но и совсем новенькие стальные

20. Ни о чем (нем.).

21. Бесконечно (лат.).

22. Зачеркнуто в оригинале.

щиты бойницы, брошенные как хлам. В Питере не без удивления встретили настоящую зиму, от которой начали уже отвыкать в Бресте. Около часу дня мы с Иоффе поехали в Смольный. К моему удивлению мы застали Троцкого – и, особенно, Ленина в большой ажиотации. Они не знали о результатах понедельничной немецкой конференции – и боялись немецкого наступления. Когда Иоффе передал свою беседу с Криге (не преминув вернуть, что Криге звал его в Берлин не как «форменного посланника», разумеется – хитрый немецкий кот, бывший на пятидесяти конференциях, знал, чем польстить Иоффе), страх сменился ликованием, я даже осторожно полил холодной водицы, напомнив, что украинский хлеб немцам все же таки нужен – но на мое замечание никто не обратил внимания. Между прочим, у Л[енина] вырвалась характерная фраза: «А если они все-таки пойдут на нас, мы перережем эстляндских баронов»^{lviii}. Когда я на другой день прочел в газетах о решении ревельского совдепа, я понял в чем дело.

На другой же день, зайдя в комиссариат иностранных дел, я узнал, что немцы «срочно», как выразился Альфатер, отозвали Мирбаха и К°. В Смольный в этот день я не ездил и на Ленина посмотреть не мог. Но из газет узнал позже, что инцидент с эстляндскими баронами был немедленно ликвидирован. Вечером был доклад Троцкого в ЦИК – нудный и малосодержательный^{lix}. Еще нуднее и бессодержательнее был дополнительный доклад Карелина (его никто не слушал). Возражения правых с. р. были совершенно пусты, Мартов говорил что-то поумнее, но был совсем без голоса. В заключительном слове Троцкий нашел себя – более ярко. Выступал какой-то бритый чиновник, оказавшийся анархистом Ге^{lx}. Твердым голосом и довольно складно говорил общие места – настолько общие, что не отрекомендуйся он анархокоммунистом, никто не догадался о его партийной принадлежности.

РГАСПИ.Ф. 147. Оп. 1. Д. 7. Л. 3–57^{lxi}, 61–65.

Библиография

Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. 1870–1924: В 22 т. М.: Политиздат, 1974. Т. 5. Октябрь 1917 – июль 1918. 740 с.

Ганин А.В. «Я больше жить не могу...»: Генерал Владимир Скалон застрелился в начале переговоров, на которых обсуждались условия Брестского мира // Родина. 2016. № 8. С. 31–35.

Готье Ю.В. Мои заметки. М.: ТЕРРА, 1997. 592 с.

Гофман М. Главный противник – Россия. Воспоминания и дневники Максимилиана Гофмана о Первой мировой войне / Пер. комм. и вступ. ст. В.Л. Телицына. М.: Принципус, 2015. – 528 с.

Ксенофонтов К.Н. Мир, которого хотели и который ненавидели: Документальный репортаж. М. Политиздат, 1991. 416 с.

Ленин В.И. Записка в ЦК РСДРП (б) // Ленин В.И. Полн. собр. соч. (издание 5-е) Т. 50. М.: Госполитиздат, 1970. 623 с.

Мирные переговоры в Брест-Литовске с 22/9 декабря 1917 г. по 3 марта (18 февраля) 1918 г. Т. 1. Пленарные заседания, заседания политической комиссии / Под ред. и с прим. А.А. Иоффе (В. Крымского), с пред. Л.Д. Троцкого. М.: Издание Народного Комиссариата Иностранных Дел. 1920. 268 с.

Михутина И.В. Украинский Брестский мир: путь выхода России из Первой мировой войны и анатомия конфликта между Совнаркомом РСФСР и правительством Украинской Центральной Рады. М.: Европа, 2007. 288 с.

Первые шаги большевистской дипломатии. Дневниковые записи академика М.Н. Покровского / Публ. А.В. Есиной // Вестник РАН. 1993. Т. 63. № 2. С. 152–163.

Покровский М.Н. Империалистская война. Сборник статей. 1915–1927 гг. М.: Госиздат, 1928. 304 с.

Покровский М.Н. Октябрьская революция и Антанты. М.; Л.: Госиздат, 1927. 45 с.

Протоколы ЦК РСДРП (б). Август 1917 – февраль 1918. М.: Госполитиздат, 1958. 307 с.

РКП (б). Съезд 7-й. Петроград. 1918. Стенографический отчет. М.: Госполитиздат. 1962. 401 с.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 147 (Покровский Михаил Николаевич). Оп. 1. Д. 7.

Самойло А.А. Две жизни. Л.: Лениздат, 1963. – 348 с.

Ульрих Ю. Лев Каменев – умеренный большевик: Судьба профессионального революционера / Пер. с нем. А.А. Ждановской. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ». М., 2013. 304 с.

Фокке Д.Г. Брестский мир: На сцене и за кулисами Брестской трагикомедии. (Мемуары участника Брест-Литовских мирных переговоров) / Предисл. А.В. Лучникова, В.В. Хасина; прим. В.Е. Климанова. М.: Кучково поле, 2017. 384 с.

Чернобаев А.А. «Профессор с пикой», или Три жизни историка М.Н. Покровского. М.: «Лит», 1992. 234 с.

References

Chernobaev A.A. «Professor s pikoi», ili Tri zhizni istorika M.N. Pokrovskogo [«Professor with a Pike», or Three Lives of the historian M.N. Pokrovsky]. М.: «Lit», 1992. 234 s. (In Russ.)

Fokke D.G. Brestskii mir: Na stsene i za kulisami Brestskoi tragikomedii. (Memuary uchastnika Brest-Litovskikh mirnykh peregovorov) [The Brest Peace: On stage and behind the scenes of the Brest Tragicomedy. (Memoirs of a participant in the Brest-Litovsk peace negotiations)] / Predisl. A.V. Luchnikova, V.V. Khasina; prim. V.E. Klimanova. М.: Kuchkovo pole, 2017. 384 s. (In Russ.)

Ganin A.V. «Ya bol'she zhit' ne mogu...». General Vladimir Skalon zastrelilsya v nachale peregovorov, na kotorykh obsuzhdalis' usloviya Brestskogo mira [«I can't live anymore...»: General Vladimir Skalon shot himself at the beginning of the negotiations, which discussed the terms of the Brest peace] // Rodina. 2016. N 8. S. 31–35. (In Russ.)

Goffman M. Glavnyi protivnik – Rossiya. Vospominaniya i dnevniki Maksimiliana Goffmana o Pervoi mirovoi voine [The main enemy is Russia. Memoirs and diaries of Maximilian Hoffmann about the First World War] / Perevod, komm. i vstup. st. V.L. Telitsyna. М.: Printsipum, 2015. 528 s. (In Russ.)

Got'e Yu.V. Moi zametki [My notes]. М.: TERRA, 1997. 592 s. (In Russ.)

Ksenofontov K.N. Mir, kotorogo khoteli i kotoryi nenavideli: Dokumental'nyi reportazh. [The world that was wanted and hated: A documentary report]. М. Politizdat, 1991. 416 s. (In Russ.)

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Lenin V.I. Zapiska v CzK RSDRP (b) [The note for CK RSDLB (b)] // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochineniy (izdanie 5-e) [Collected works. The 5th edition] T. 50. M. Gospolitizdat, 1970. 623 s. (In Russ.)

Mirnye peregovory v Brest-Litovske s 22/9 dekabrya 1917 g. po 3 marta (18 fevralya) 1918 g. T. 1. Plenarnye zasedaniya, zasedaniya politicheskoi komissii [Peace negotiations in Brest-Litovsk from December 22/9, 1917 to March 3 (February 18), 1918 Vol. 1. Plenary sessions, meetings of the political Commission] / Pod red. i s prim. A.A. Ioffe (V. Krymskogo), s pred. L.D. Trotskogo. M.: Izdanie Narodnogo Komissariata Inostrannykh Del, 1920. 268 s. (In Russ.)

Mixutina I.V. Ukrainskij Brestskij mir: put' vy'xoda Rossii iz Pervoj mirovoj vojny' i anatomiya konflikta mezhdu Sovnarkomom RSFSR i pravitel'stvom Ukrainskoj Central'noj Rady' [The Ukrainian Brest Peace: the Way of Russia's exit from the First World War and the Anatomy of the conflict between the Council of People's Commissars of the RSFSR and the government of the Ukrainian Central Rada]. M.: Evropa, 2007. 288 s. (In Russ.)

Pervye shagi bol'shevistskoi diplomatii. Dnevnikovye zapisi akademika M.N. Pokrovskogo [The first steps of Bolshevik diplomacy. Diary entries of Academician M.N. Pokrovsky] / Publ. A.V. Esinoy // Vestnik RAN. 1993. T. 63. N 2. S. 152–163. (In Russ.)

Pokrovskii M.N. Imperialistskaya voina. Sbornik statei. 1915–1927 gg. [The imperialistic war. Collected articles] M.: Gosizdat, 1928. 304 s. (In Russ.)

Pokrovskii M.N. Oktyabr'skaya revolyutsiya i Antanta [The October Revolution and the Entente]. M.; L.: Gosizdat, 1927. 45 s. (In Russ.)

Protokoly ZK RSDRP (b). Avgust 1817 – fevral' 1918. [Minutes of the Central Committee of the RSDLP (b). August 1917 – February 1918]. M.: Gospolitizdat, 1958. 307 s. (In Russ.)

RKP (b). S"ezd 7-i. Petrograd. 1918. Stenograficheskii otchet. [RCP (b). The 7th Congress. Petrograd. 1918. Verbatim report]. M.: Gospolitizdat. 1962. 401 s. (In Russ.)

Rossijskij gosudarstvenny'j arxiv social'no-politicheskoi istorii (RGASPI). F. 147 (Pokrovskij Mixail Nikolaevich). Op. 1. D. 7.

Samoilov A.A. Dve zhizni [Two lives]. L.: Lenizdat, 1963. 348 s. (In Russ.)

Ul'rikh Yu. Lev Kamenev – umerennyi bol'shevik: Sud'ba professional'nogo revolyutsionera [Lev Kamenev – moderate Bolshevik: The fate of a professional revolutionary] / Per. s nem. A.A. Zhdanovskoi. M.: Knizhnyi dom «LIBROKOM». M., 2013. 304 s. (In Russ.)

Vladimir Il'ich Lenin. Biograficheskaya khronika [The biographical chronicle]. 1870–1924: v 22 t. M.: Politizdat, 1974. T. 5. Oktyabr' 1917 – iyul' 1918. 740 s. (In Russ.)

Примечания

- i. Имеется в виду 12 (25) ноября 1917 г. – день выборов в Учредительное собрание.
- ii. 14 ноября 1917 г. в Президиум Московского Совета рабочих и солдатских депутатов были избраны 15 человек (11 большевиков, 3 левых эсера и 1 объединенец). Председателем президиума стал М.Н. Покровский.
- iii. *Троцкий (Бронштейн) Лев (Лейба) Давидович* (1879–1940) – государственный, военный и политический деятель. В первом составе СНК занял пост наркома по иностранным делам. Председатель советской делегации на втором этапе переговоров в Брест-Литовске, сменив на этом посту А.А. Иоффе. В марте 1918 г. ушел с поста главы НКИДа, один из создателей Красной Армии, народный комиссар по военным и морским делам (1918–1925), председатель Реввоенсовета Республики (1918–1925).
- iv. *Покровская Любовь Николаевна* (урожд. *Зарайская*) (1877–1955) – юрист, жена М.Н. Покровского (с 1901).
- v. Из соображений политического престижа (чтобы избежать видимости победного для Центральных держав мира) большевики выдвинули предложения о проведении переговоров о мире в одной из нейтральных стран (например, в Стокгольме), но добиться этого не удалось. Центральные державы ссылались на то, что такой вариант был бы приемлем лишь в случае присоединения к мирным переговорам других членов Антанты.
- vi. *Кузовков Д.В.* (1885–?) – в 1917–1920 гг. член коллегии финансового и жилищно-земельного отделов Моссовета.
- vii. 20–22 ноября (3–5 декабря) 1917 г. между Россией, с одной стороны, Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией – с другой, было достигнуто соглашение о временном перемирии на 10 дней. 2 (15) декабря 1917 г. заключено перемирие на 28 дней (с 17 декабря 1917 по 14 января 1918 г.). Было принято решение об созыве мирной конференции. По условиям соглашения перемирие могло быть прервано после предупреждения договаривающихся сторон за семь дней до возобновления военных действий. На Румынском фронте было заключено отдельное перемирие в Фокшанах 9 декабря 1917 г.
- viii. *Муралов Николай Иванович* (1877–1937) – политический деятель, в ноябре 1917 г. назначен командующим войсками Московского Военного округа.
- ix. Намек на роль делегации Центральной рады во время переговоров.
- x. Имеется в виду «Манифест к украинскому народу с ультимативными требованиями к Украинской Раде», утвержденный на заседании СНК РСФСР 3 (16) декабря 1917 г. Ультиматум содержал требования отказа от дезорганизации линии обороны на Восточном фронте, от помощи контрреволюционному движению на Дону, прекращения разоружения регулярных войск, поддерживающих Советское правительство, и рабочей Красной гвардии на Украине. Положительного ответа от правительства Центральной рады получено не было, однако на I Всеукраинском съезде Советов 11 (24) декабря 1917 г., состоявшемся в Харькове, Украина была провозглашена Советской республикой. Съезд объявил о свержении власти Центральной рады. СНК РСФСР признал Украинское Советское правительство единственным законным представителем украинского народа и постановил оказывать ему всестороннюю поддержку. В разгоревшейся на территории Украины гражданской войне Центральная рада потерпела ряд поражений и лишилась почти всей контролируемой территории. 26 января (8 февраля) 1918 г. Киев был занят советскими войсками бывшего полковника Муравьева.
- xi. *Каменев (Розенфельд) Лев Борисович* (1883–1936) – государственный и политический деятель, член советской делегации, заключившей перемирие на Восточном фронте 2 (15) декабря 1917 г. С середины января 1918 г. только формально являлся членом делегации на переговорах, так как по заданию партии совершил поездку в Англию и Францию. См.: *Ульрих Ю.* Лев Каменев – умеренный большевик: Судьба профессионального революционера. М., 2013. С. 129–130.

xii. М.Н. Покровский оправданно сближает тогдашние позиции Л.Д. Троцкого и В.И. Ленина по данному вопросу, что важно с учетом последующих попыток советской историографии их категорически противопоставлять.

xiii. 26–28 января 1918 г. в ряде городов Австро-Венгрии вспыхнула всеобщая забастовка. В Вене под лозунгом «хлеба и мира» бастовали арсенал, оборонные и другие заводы. Непосредственной причиной выступления послужило ухудшение продовольственного положения населения, а также агитация ультралевых активистов, призывавших заставить заключить мир в Брест-Литовске путем срыва военного производства. Волнения перекинулись на армию и флот, а в последние дни января прокатились выступления и в ряде городов Германии. Хотя антивоенные акции были быстро подавлены, они вызвали серьезные иллюзии в большевистских кругах, полагавших, что это – предвестие мировой революции. Что касается правящих кругов Австро-Венгрии, то это подтолкнуло их к заключению мира на компромиссных условиях, включая сепаратное соглашение с Советской Россией.

xiv. *Радек (Кароль Собельсон) Карл Бернгардович* (1885–1939) – политический и государственный деятель. С началом Первой мировой войны занимал интернационалистские позиции, входил в Циммервальдское объединение социал-демократов-интернационалистов. С 31 марта 1917 г. член Заграничного бюро ЦК РСДРП(б) в Стокгольме. С начала 1918 г. заведующий отделом внешних сношений ВЦИКа и заведующий отделом Центральной Европы в НКИДе. С декабря 1917 по февраль 1918 г. член советской делегации на Брест-Литовских переговорах о мире, в качестве консультанта по национальным отношениям. Выступал на переговорах от имени трудящихся Польши, был против заключения мира на германских условиях. Один из лидеров «левых коммунистов».

xv. Речь идет об отказе от переброски германских войск с Русского фронта на Западный фронт, однако это условие так и не было выполнено, несмотря на неоднократные протесты с советской стороны.

xvi. *Долivo-Добровольский Александр Иосифович* (1866–1932) – дипломат, юрист, искусствовед. Консул в Черновцах (Австро-Венгрия) в 1906–1914 гг. С марта 1917 г. вице-директор Правового департамента МИДа. После октября 1917 г. призывал чиновников отказаться от саботажа. При Л.Д. Троцком работал в правовом отделе НКИДа до переезда комиссариата в Москву. Позже – на культурно-просветительской работе.

xvii. Возможно, *Коростовец Иван Яковлевич* (1862–1933) – дипломат, посланник Российской империи в Пекине и в Тегеране. Сыграл крупную роль в установлении над Монголией российского протектората. Впоследствии эмигрировал.

xviii. *Вельтман Михаил Лазаревич (Павлович Михаил Павлович)* (1871–1927) – российский публицист, историк-востоковед, специалист по международным отношениям. До революции жил в Европе. Летом 1917 г. вернулся в Россию. В 1918 г. вступил в РКП(б). С 4 (17) декабря 1917 по февраль 1918 г. – консультант советской делегации в Брест-Литовске. Позже – создатель и ректор Московского института востоковедения.

xix. *Кюльман Рихард, фон (Kühlmann Richard v.)* (1873–1948) – германский дипломат, промышленник, императорский действительный тайный советник. В 1900 г. начал дипломатическую карьеру в качестве атташе германского посольства в Петербурге. В 1904–1909 гг. – поверенный в делах в Танжере, в 1909–1914 гг. – советник посольства в Лондоне. После начала Первой мировой войны – в Константинополе. В 1915 г. назначен посланником в Гааге. В 1916 г. – послом в Константинополе. С августа 1917 по июль 1918 г. – статс-секретарь по иностранным делам Германской империи. Возглавлял делегацию Германии на переговорах в Брест-Литовске.

xx. *Чернин фон унд цу Худениц Оттокар (Czernin von und zu Chudenitz Ottokar)* (1872–1932) – граф, министр императорского и королевского дома и иностранных дел (1916–1918). На дипломатической службе с 1899 г. Был близким советником эрцгерцога Франца-Фердинанда. Возглавлял делегацию Австро-Венгрии в Брест-Литовске. В середине апреля 1918 г. был вынужден уйти в отставку, чтобы снять с

императора Карла I ответственность за неудачные попытки зондирования сепаратного мира с Францией уступками за счет Германии.

xxi. *Талаат-паша Мехмед* (1874–1921) – великий визирь, глава турецкой делегации на переговорах в Брест-Литовске. Из семьи помаков (болгар-мусульман). В 1893 г. арестован за политическую деятельность. После освобождения был через два года выслан в Салоники, где возглавил местное отделение младотурецкой партии. После свержения Абдул-Хамида II стал министром внутренних дел и позднее великим визирем. Поддерживал широкие аннексионистские проекты, особенно на Кавказе и в Туркестане. 7 октября 1918 г. признал крах политики младотурок и вышел из состава правительства. Бежал в Германию. Чрезвычайным военным трибуналом в 1919 г. в Константинополе заочно приговорен к смертной казни за военные преступления и «уничтожение армянского населения империи». Застрелен армянским террористом С. Тейлиряном в Берлине 15 марта 1921 г.

xxii. *Каменева Ольга Давидовна* (урожд. *Бронштейн*) (1883–1941) – сестра Л.Д. Троцкого, жена Л.Б. Каменева. После прихода к власти большевиков занимала ряд должностей, в том числе заведовала театральным отделом Наркомата просвещения РСФСР, затем художественным подотделом Моссовета.

xxiii. *Иоффе Адольф Абрамович* (*В. Крымский*) (1883–1927) – советский дипломат и политический деятель. 11 (24) ноября 1917 г. назначен председателем делегации Советской России на переговорах. Примерно с 23 декабря 1917 г. стал членом делегации Советской России. С 24 февраля по март 1918 г. – консультант делегации (снижение статуса). В 1918 г. стоял на позициях «левых коммунистов». В апреле – декабре 1918 г. полпред в Германии, в 1922–1924 гг. в Китае, Японии, в 1924–1925 гг. в Австрии. В 1925–1927 гг. примыкал к троцкистской оппозиции, был уволен с дипломатической службы. 17 ноября 1927 г. покончил с собой якостью в связи с обострением неизлечимой болезни, но скорее всего под влиянием разгрома троцкистской оппозиции.

xxiv. *Хлебников Я.В.* – стенографист русской делегации в Брест-Литовске. Также стенографировал тексты В.И. Ленина, например первоначальный вариант статьи «Очередные задачи Советской власти».

xxv. То есть участников революционных дружин 1905 г.

xxvi. Такое мнение было довольно распространено в годы Великой войны, однако затем опровергнуто рядом военных специалистов.

xxvii. М.Н. Покровский иронично цитирует слова из телеграммы Л.Д. Троцкого.

xxviii. Имеется в виду делегация Украинской Центральной рады на переговорах в Брест-Литовске. В состав делегации входили: статс-секретарь В.А. Голубович, М. Левицкий, Н.М. Любинский, М.Н. Полозов, А.А. Севрюк. Официальная украинская мирная делегация прибыла в Брест (после первой поездки в декабре 1917 г.) 1 января 1918 г., а официально о готовности вести с ней переговоры германский рейхсканцлер Гертлинг заявил 4 января 1918 г. После возобновления переговоров с большевистской делегацией, теперь во главе с Л.Д. Троцким, 9 января им было заявлено, что советская делегация готова признать правомочность украинской, хотя к этому моменту между войсками Советской России и Центральной рады уже шли боевые действия. См. подробнее: *Михутина И.В.* Украинский Брестский мир: путь выхода России из Первой мировой войны и анатомия конфликта между Совнаркомом РСФСР и правительством Украинской Центральной рады. СПб., 2007.

xxix. *Карахан* (наст. фам. *Караханян*) *Лев (Леон) Михайлович* (1889–1937) – советский дипломат, революционер. В октябре 1917 г. член Военно-революционного комитета. Член ЦИК Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Примерно с 23 декабря 1917 г. стал членом советской делегации на переговорах в Брест-Литовске. Секретарь советской делегации. С 24 февраля 1918 г. вновь вошел в состав советской делегации. Впоследствии много лет был заместителем главы НКВД, репрессирован.

xxx. В ожидании приезда в Брест-Литовск делегаций от союзников Германии возникла пауза и 4 (17) декабря 1917 г. А.А. Иоффе с Л.Б. Каменевым в сопровождении лейтенанта Мюллера и советника Эденбея выехали в Варшаву под предлогом инспекции лагерей российских военнопленных под Варшавой, хотя планировали ряд агитационных мер и общую разведку обстановки в тылу Центральных держав.

xxxі. *Биценко Анастасия Алексеевна* (урожд. *Камеристая*) (1875–1938) – террористка, политический деятель. В 1905 г. состояла в летучем Боевом отряде, от имени которого 22 ноября того же года застрелила генерал-адъютанта В.В. Сахарова, усмирявшего аграрные беспорядки в Саратовской губернии. Приговорена к бессрочной каторге, освобождена по личному распоряжению А.Ф. Керенского 3 марта 1917 г. 30 ноября 1917 г. избрана в состав организационной комиссии ЦК ПЛСР. Входила в состав советской делегации на переговорах в Брест-Литовске с 23 декабря 1917 (5 января 1918 г.). В марте–июне 1918 г. участвовала в работе Совнаркома Москвы и Московской области, являясь товарищем (заместителем) председателя М.Н. Покровского.

xxxіі. *Любинский Николай Михайлович* (1891–1938) – украинский языковед, политический деятель. С 1917 г. член Украинской партии социалистов-революционеров. Член Украинской Центральной рады. В марте–апреле 1918 г. министр иностранных дел УНР.

xxxііі. *Скалон Владимир Евстафьевич* (1872–1917) – генерал-майор (1916). К началу Первой мировой войны – начальник 5-го делопроизводства управления генерал-квартирмейстера Штаба Верховного Главнокомандующего; с июля 1914 г. – исполняющий должность генерала для делопроизводства и поручений управления генерал-квартирмейстера при Главковерхе; с ноября 1917 г. – генерал-квартирмейстер Ставки Главковерха. Как знаток немецкой армии направлен на переговоры в Брест-Литовск в качестве представителя Ставки русской армии. 29 ноября 1917 г., во время обсуждения вопроса о демаркационной комиссии, вышел из зала заседания и покончил с собой выстрелом из револьвера в голову. В предсмертной записке супруге писал: «Прощай дорогая, ненаглядная Анюта, не суди меня, прости, я больше жить не могу, благословляю тебя и Надюшу, твой до гроба Володя». Д.Г. Фокке считал, что решение о самоубийстве возникло спонтанно (накануне Скалон отметил свой день рождения, и ничто не предвещало трагедии). Причину отнесли к нервному расстройству. Генерал-фельдмаршал принц Леопольд Баварский 30 ноября 1917 г. выразил советской делегации свои соболезнования. См.: *Ганин А.В.* «Я больше жить не могу...»: Генерал Владимир Скалон застрелился в начале переговоров, на которых обсуждались условия Брестского мира // *Родина*. 2016. № 8. С. 31–35.

xxxіv. *Леопольд Баварский (Leopold von Bayern, Wittelsbach)* (1846–1930) – принц Баварский, германский военный деятель, генерал-фельдмаршал Баварии (18 января 1904) и Пруссии (1 августа 1916). Сын принца-регента Баварии, брат последнего баварского короля Людвиг III. В августе 1916 г. сменил Пауля фон Гинденбурга на посту главнокомандующего германскими вооруженными силами на Востоке. Занимал этот пост до окончания войны. Был организатором и руководителем деятельности делегации Германии на мирных переговорах в Брест-Литовске зимой 1917–1918 гг.

xxxv. *Альтфатер Василий (Василий-Михаил) Михайлович* (1883–1919) – русский и советский военноморской деятель, контр-адмирал (1917). После Октябрьской революции 1917 г. одним из первых адмиралов перешел на службу Советской власти. Входил в советскую делегацию на первом этапе мирных переговоров в Брест-Литовске с 9 по 15 декабря 1917 г. в качестве военно-морского эксперта. Во время переговоров познакомился с Л.Д. Троцким и в феврале 1918 г. назначен помощником начальника Морского Генштаба. 12 мая 1918 г. назначен членом коллегии Народного комиссариата по морским делам. 14 мая 1918 г. введен в состав Высшего военного совета. 12 октября 1918 г. назначен командующим морскими, озерными и речными силами Республики и членом Реввоенсовета Республики.

xxxvi. *Самойло Александр Александрович* (1869–1963) – генерал-майор Генерального штаба. В декабре 1917 – январе 1918 г. – член военной комиссии на переговорах в Брест-Литовске. С февраля 1918 г. служил в РККА.

xxxvii. На этот факт неоднократно обращает внимание в своих воспоминаниях и Д.Г. Фокке.

xxxviii. Имеется в виду III Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, проходивший в Петрограде с 10 по 18 января (23–31 января) 1918 г.

xxxix. То есть участников революции 1905–1907 гг.

xl. Герой комедии Н.В. Гоголя «Женитьба».

xli. То есть заседание политической комиссии.

xlii. *Бобинский Станислав Янович* (1882–1937) – польский и российский революционный деятель. Секретарь Польского бюро ЦК РКП(б), член Исполкома Коминтерна. Консультант советской делегации в Брест-Литовске по национальным делам. На переговорах представлял интересы социал-демократии королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ). 25 января (7 февраля) 1918 г. зачитал в ходе переговоров «Декларацию представителей трудящихся Польши», призвав к «немедленному выводу оккупационных войск и очищению Польши от всех правительственных органов, учрежденных оккупационными властями».

xliii. Отчеты о работе мирной конференции в Брест-Литовске и стенограммы заседаний публиковались в газете «Известия Центрального исполнительного комитета Советов крестьянских, Рабочих и солдатских депутатов» в январе-феврале 1918 г.

xliv. После длительных бесплодных дебатов вокруг принципа самоопределения народов и расширения понятия «без аннексий и контрибуций» под жестким давлением из германского Верховного Главнокомандования (и лично Э. Людендорфа) начальник штаба германского Главнокомандования на Востоке генерал-майор М. Гофман 12 января категорически заявил об отказе от восстановления границ 1914 г. на основе буквального понимания формулы «мир без аннексий и контрибуций», а затем предъявил карту, на которой были обозначены конкретные территориальные требования к российской стороне. Эти события были быстро мифологизированы, так что заявлялось будто бы «генерал Гофман стучал кулаком по столу». В действительности таких (по форме, а не по содержанию) демаршей Гофман себе ни 12, ни 18 января (когда обсуждались предъявленные условия) не позволял.

lv. *Розенберг Фредерик, фон* (*Rosenberg Frederic v.*) (1874–1937) – барон, германский дипломат, императорский посланник и полномочный министр, представитель внешнеполитического ведомства Германии. Ротмистр резерва. Изучал право и камеральные науки (управление государственным имуществом) в университетах Бонна, Женевы и Берлина. Находился на дипломатической работе в Бельгии и Германии. Легационный советник. Член германской делегации в Брест-Литовске (секретарь). 9 (22) декабря 1917 г., в отсутствие генерала Гофмана, взял на себя председательство на переговорах. В 1922–1923 гг. – статс-секретарь по иностранным делам Веймарской республики.

lvi. *Грац (Гратц) Густав* (*Gratz Gustav*) (1875–1946) – венгерский политик, министр финансов Венгрии в июне–сентябре 1917 г. В ходе переговоров в Брест-Литовске, а затем в Бухаресте возглавлял экономическую секцию австро-венгерской делегации; затем посланник в Вене в 1919–1921 гг., недолгое время был министром иностранных дел Венгрии (1921), ушел в отставку после поддержанной им неудавшейся попытки реставрации монархии.

lvii. *Фридрих фон Визнер* (*Wiesner Friedrich v.*) (1871–1951) был одним из видных чинов австро-венгерского МИДа и нередко замещал О. фон Чернина. Покровский иронизирует насчет тяжести ведения заседаний с участием украинской делегации, в том числе из-за языковых проблем, ведь к дебатам на украинском языке не были готовы представители ни одной из договаривающихся сторон, кроме собственно украинской.

lviii. Военные члены советской делегации, особенно флотские офицеры, попытались настоять на выводе германских войск с захваченных ими в октябре 1917 г. Моонзундских островов, что позволило бы существенно повысить безопасность Петрограда с моря. Требования обосновывались стремлением к постепенной деэскалации напряженности на Восточном фронте в целом. Несмотря на ряд дискуссий это предложение было категорически отвергнуто германской стороной, хотя германские дипломаты готовы были рассматривать его как один из вариантов компромисса.

lix. То есть большевикам.

1. По предложению Кюльмана на заседании политической комиссии 27 января (9 февраля) 1918 г. было принято решение рассмотреть вопрос о границах в территориальной подкомиссии в составе дипломатического представителя и специалистов по военным и морским делам с каждой стороны.

ii. Далее в тексте тщательно вымарано несколько слов.

lii. По проекту, предложенному германской делегацией на заседании Политической комиссии 5 (18) января 1918 г., граница должна была проходить к востоку от Моонзундского архипелага и г. Рига, западнее г. Двинск (г. Видзы) и далее к Брест-Литовску. Таким образом, территория будущей Латвии оказалась рассечена. Россия лишалась и части современной Белоруссии (Виленский, Трокский и Лидский уезды Виленской губернии и западная часть Гродненской губернии). На заседании комиссии соглашения достигнуто не было.

liii. Отсылка к Л.Н. Толстому – ироничный намек на непротивленчество и уступчивость.

liv. См.: Заявление, сделанное [Л.Д.] Троцким на заседании политической комиссии в Брест-Литовске 28 января (10 февраля) 1918 г. // РКП(б). Съезд 7-й. Петроград. 1918. Стенографический отчет. С. 282–283.

lv. «Именем Совета Народных Комиссаров, правительство Российской Федеративной Республики настоящим доводит до сведения правительств и народов воюющих с нами союзных и нейтральных стран, что, отказываясь от подписания аннексионистского договора, Россия, со своей стороны, объявляет состояние войны с Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией прекращенным. Российским войскам одновременно отдается приказ о полной демобилизации по всему фронту» // РКП(б). Съезд 7-й. Петроград. 1918. Стенографический отчет. М., 1962. С. 283.

lvi. *Мирбах-Харфф Вильгельм, фон (Mirbach-Harff, Wilhelm v.)* (1871–1918) – граф, германский дипломат, с апреля 1918 г. – посол Германской империи при правительстве РСФСР в Москве. 6 июля 1918 г. убит левыми эсерами Я.Г. Блюмкиным и Н. Андреевым по решению ЦК партии левых эсеров с целью спровоцировать возобновление войны с Германией.

lvii. *Криге Иоганн (Kriege Johannes)* (1859–1937) – юрист, кадровый дипломат, директор правового департамента германского ведомства иностранных дел. Член германской делегации в Брест-Литовске. Впоследствии сыграл важнейшую роль в подготовке Добавочного договора между Германской империей и Советской Россией от 27 августа 1918 г.

lviii. В связи с быстрым обострением обстановки в Лифляндии и Эстляндии после большевистского переворота местные органы власти приняли решение об объявлении помещиков из остзейских немцев вне закона. Сотни «баронов» были арестованы, оказавшись в заложниках. Вскоре началась их депортация в Енисейскую губернию, однако даже тех, кого большевики успели вывезти до быстрого захвата Германией Прибалтики 18 февраля – 4 марта 1918 г., по требованию германской стороны быстро репатриировали.

lix. Имеется в виду заседание Центрального Исполнительного комитета Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 14 февраля 1918 г.

x. *Ге (Голберг) Александр Юльевич* (1879–1919) – публицист, политический деятель. В годы Первой мировой войны занял интернационалистическую позицию, выразив ее в «Открытом письме П.А. Кропоткину». Вернулся из эмиграции в Россию в начале декабря 1917 г. Один из лидеров «Петроградской федерации анархистских групп» представлял анархистов-коммунистов во ВЦИКе 3-го и 4-го созывов. Критиковал политику большевистского правительства за заключение Брестского мира и красный террор.

xi. Л. 1–2об. дела представляют собой тезисные записи событий, которые далее описаны Покровским подробно.